

А. М. ДЖЕРГЕНИЯ

О ПЕРВОМ ПРЕЗИДЕНТЕ
РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

Владиславе
АРДЗИНБА

СТАТЬИ • ИНТЕРВЬЮ

ФОНД ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

А. М. Джергения

**О ПЕРВОМ ПРЕЗИДЕНТЕ
РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ
В.Г. АРДЗИНБА**

(Статьи, интервью)

Сухум
2019

УДК 82-94
ББК 66.3(5А6х)6-8
Д 40

г/р 978-5-166-10-0419

СОДЕРЖАНИЕ:

ВМЕСТЕ. ОТ ЗАЩИТЫ ДИССЕРТАЦИИ ДО ЗАЩИТЫ РОДИНЫ	4
СУДЬБА НЕ ПОЗВОЛИЛА ЕМУ ЗАВЕРШИТЬ ВСЁ ЗАДУМАННОЕ	13
ОН ВСЮ ЖИЗНЬ БЫЛ ГЕРОЕМ И УШЕЛ ГЕРОЕМ	18
О РОССИИ, ЕЛЬЦИНЕ И ГРУЗИНО-АБХАЗСКОЙ ВОЙНЕ	30
О ВЛАДИСЛАВЕ АРДЗИНБА И ЕГО КНИГЕ «ВЛАДИСЛАВ АРДЗИНБА. МОЯ ЖИЗНЬ. 1945–2010»	37
МИНТИМЕР ШАЙМИЕВ, ЭТОТ МУДРЫЙ ЧЕЛОВЕК	49
БАБУРИН ПЕРВЫМ НАС ПУБЛИЧНО ПОДДЕРЖАЛ.....	53
ЖИЗНЬ НИКОЛАЯ АКИРТАВА ПРОЛЕТЕЛА ЯРКОЙ КОМЕТОЙ	57

Анри Михайлович Джергения волей судьбы оказался тем человеком, кто в течение трех десятков лет, в том числе и в наиболее острые и опасные периоды для страны и народа, был рядом с нашим лидером — незабвенным Владиславом Григорьевичем Ардзинба. Естественно, что у Анри Михайловича есть что сказать и есть желание сказать, вспомнить, прокомментировать, оценить. Ведь известно, что большое видится на расстоянии, в данном случае — по истечении немалого времени. И когда мы обращались к нему за теми или иными материалами, он с удовольствием шел нам навстречу, а какие-то предлагал редакции сам. Так в «Республике Абхазия» за последнее время был напечатан цикл интересных статей об Ардзинба, которые вошли в эту брошюру.

В брошюру включено и интервью Марины Гумба с Анри Михайловичем, которое было опубликовано на официальном сайте партии «Амцхара» и в котором рассказывалось о Первом Президенте нашей страны.

В брошюру также включена опубликованная в газете «Республика Абхазия» в конце прошлого года статья Анри Джергения об одном из руководителей абхазского национально-освободительного движения 20–30 годов прошлого века — Николае Николаевиче Акиртава, члене первого Ревкома (правительства) Абхазии. Он вместе с Ефремом Эшба и Нестором Лакоба руководил освобождением Абхазии от грузинских оккупантов. А в отсутствие Эшба и Лакоба, находящихся по поручению Владимира Ильича Ленина в Турции, лично в феврале-марте 1921 года руководил киаразовцами, совместно с российскими войсками выдворившими грузинских меньшевиков из Абхазии. 4 марта 1921 года Николай Акиртава водрузил в Сухуме знамя Победы — в ознаменование освобождения нашего народа.

Владислав Ардзинба в 80–90 годы продолжил дело Эшба, Лакоба и Акиртава как освободитель Абхазии от грузинских националистов и агрессоров. Поэтому вполне естественно и логично, что и статья об Акиртава помещена в этой брошюре.

Заира Цвижба

ВМЕСТЕ. ОТ ЗАЩИТЫ ДИССЕРТАЦИИ ДО ЗАЩИТЫ РОДИНЫ

С Владиславом Ардзинба я познакомился, когда мне было уже 30 лет. До этого о нем я ничего не слышал. В 1971 году, как по мановению волшебной палочки, или по какой-то неведомой мне силе, началось наше сближение. Возможно, это судьба. Весной того года ко мне как-то зашел мой школьный товарищ Азиз (Зурик) Хишба. Увидев, что я читаю какую-то книгу, он вдруг сказал: «А ты знаешь, у меня есть двоюродный брат, Владислав Ардзинба, тоже вроде тебя — с приветом, сидит и все время читает книги». Я поинтересовался, а чем он вообще занимается. Ответил, что учится в Москве и скоро будет защищать кандидатскую диссертацию. На этом разговор о Владиславе закончился, и больше к нему мы не возвращались. И что интересно, несмотря на нашу долгую дружбу, Азиз никогда о нем ранее не говорил.

Через месяц-полтора из Гагры позвонил мой дядя Ирадион Джергения и сказал, что в Москве в ближайшие дни состоится защита Владислава Ардзинба — возможного кандидата в женихи его дочери Светланы. И что мне надо поехать в Москву и познакомиться с ним.

В те годы защита кандидатской диссертации абхазцем было событием, и поэтому не было у меня никаких проблем пойти на неё. Так я оказался на защите у Владислава Ардзинба. Тема диссертации мне была не очень знакома — о хаттах, хеттах, их культуре. Кстати, незадолго до этого наш ученый Ермолай Аджинджал в МВД Абхазии, где я тогда работал, прочел лекцию именно по этой теме. От лекции у меня осталось весьма смутное представление. Четким мое представление по этой проблеме не стало и после защиты. Единственное, я понял во время защиты, что это серьезная научная работа, не какая-нибудь компиляция прочитанных статей, а материалы по первоисточникам с использованием клинописных текстов. Несмотря на мои дилетантские знания, диссертация произвела хорошее впечатление, и сам диссертант — тоже. Видимо, он уже знал причину моего появления в Москве, и после защиты пригласил на банкет. Меня очень впечатлили участники банкета, выдающиеся ученые Института востоковедения, особенно запомнился известный к тому времени в Абхазии академик Михаил Коростовцев — человек с очень интересной биографией.

После банкета я приехал в Гагру и доложил родителям Светланы о выполнении мной порученной миссии.

Недели через полторы в Сухуме я неожиданно встретился на улице

с Владиславом. В тот день мы долго с ним общались. О чем говорили, не помню, но не о женитьбе. Так потихоньку стали складываться самостоятельные отношения. Потом мне стало известно, что он ездил в Гагру, и там были встречи жениха и невесты...

Спустя еще какое-то время меня в Гагру вызвал отец Светланы. Было тепло, двери и окна в доме открыты. Мы сидели на первом этаже с отцом и матерью. А дядя мой любил пошутить, и он то ли в шутку, то ли всерьез говорит мне: «К нам ходят свататься различные женихи, а мать, видимо, с ума сошла, готова выдать дочь за каждого из них. Запуталась». И дальше мы продолжали обсуждать этот вопрос. Вдруг в комнату заскакивает сама Светлана, видимо, слышала наши разговоры, и категорично заявляет: «Я не знаю, о чем вы тут говорите, но я выйду замуж за Ардзинба».

Они и поженились. И стали жить в Москве. Прожили там 16 лет, и там родилась их дочка.

По работе мне часто приходилось бывать в Москве — в Верховном суде, Министерстве юстиции СССР, и постоянно останавливаться у них. Со временем я так привык к Владиславу, что у меня появилось желание почаще встречаться с ним, даже придумывал себе командировки. К этим встречам я относился очень ответственно, как к предстоящим мне лекциям и семинарам. Поэтому в пути я обдумывал темы наших разговоров. И хочу добавить, что я человек рассеянный, и очень часто путал этаж, на котором жили супруги. И почему-то я постоянно стучался в дверь этажом ниже. А там жили молодожены. После нескольких таких приходов муж решил, что я любовник его жены, и у Владислава были серьезные выяснения отношений, доказывая, что я действительно ошибся этажом.

За эти годы я близко узнал Владислава. И ряд его качеств мне очень импонировали. Первое — это его любовь к науке, большая трудоспособность, четкость изложения своих мыслей. Будучи молодым кандидатом наук, он умел определять основные направления своей научной деятельности и очень интересно рассказывал об этом. Он активно общался с коллегами-учеными. Я неоднократно бывал с ним в Институте и присутствовал при их разговорах. Видел, как за эти годы он рос как ученый и пользовался большим авторитетом в научной среде. В нем вырабатывались и лидерские качества. Поэтому его выдвигали на руководящие должности по работе и в общественной жизни. Видимо, ему было интересно и общение со мной. И мы допоздна говорили о различных проблемах. Но я рано засыпаю, и когда я не мог уже сидя говорить, он укладывал меня, садился рядом на маленькую скамейку и продолжал говорить со мной до тех пор, пока я окончательно не засну.

К годам 1984–1985-м он уже был готов к защите докторской диссертации. Но у него сложились непростые отношения с тогдашним директором Института востоковедения Евгением Максимовичем Примаковым, что затрудняло возможность защиты в стенах родного института. Как-

А. М. Джергения и В. Г. Ардзинба

то Владислав позвонил мне в Сухум и попросил приехать обсудить один очень серьезный вопрос. В Москве он показал мне письмо крупного грузинского ученого-востоковеда Г. Г. Гиоргадзе, в котором содержалось приглашение Владиславу в Тбилиси для защиты докторской диссертации.

Решение этого вопроса для нас было сложным. В течение всего времени нашей дружбы мы постоянно обсуждали вопрос взаимоотношений Абхазии и Грузии. У нас сложилось единое мнение о том, что грузинская элита планомерно занимается ассимиляцией нашего народа, причем она проводила двойственную политику. Публично она заявляла о дружбе и братстве наших народов. Кстати, эта идея официально поддерживалась некоторыми нашими политиками и учеными. А фактически делалось совершенно другое. Это — изменение топонимики, массовое переселение лиц грузинской национальности в Абхазию, закрытие абхазских школ и насильственное обучение абхазских детей грузинскому языку, приобщение к грузинскому языку и культуре, присвоение нашего народного творчества. И всё это делалось, как я указывал выше, под лозунгами братских отношений, различных встреч абхазских и грузинских районов, совместных празднеств. А настоящие отношения проявлялись в периоды обострения ситуаций. Сколько грязи и оскорблений было вылито грузинскими псевдоучеными, политиками на наш народ, на историю, на выдающихся представителей абхазского народа, являющихся нашей гордостью. Мы понимали, что рано или поздно надо будет коренным образом решать вопрос взаимоотношений. И постоянно думали, как найти пути выхода из сложившейся между нашими народами ситуации.

И все это мы обдумывали и при решении вопроса о возможности защиты диссертации в Тбилиси.

Защита докторской диссертации в Грузии ко многому обязывала. По крайней мере, видимо, так думали люди, которые приглашали Владислава на эту защиту. Думаю, письмо Гиоргадзе не он сам готовил, и, возможно, приглашавшие его люди надеялись, что после защиты Владислав будет более уступчивым. Они понимали, что он является наиболее яркой фигурой в абхазском обществе, и какие виды они на него имели, нам было непонятно. Но приближение к себе для них было очень важным.

Мы тоже это хорошо понимали. Владислав хотел услышать мое мнение. Я думаю, что внутренне он готов был согласиться, а мое отношение к этому продемонстрировало бы ему, как это будет восприниматься со стороны.

После долгих обсуждений и обдумываний я сказал, что защита докторской диссертации в Тбилиси — это не идеальное решение, но лучшего нам не придумать. Время сглаживает всё. Факт защиты в Тбилиси уйдет на второй план и постепенно забудется. А официальное присвоение звания доктора наук останется навсегда и повысит его статус как в науке, так и в политике. Эта мысль подтвердилась в дальнейшем. Владислав не раз и не два в полемиках по различным вопросам заявлял, что он является доктором наук, а некоторые письма подписывал именно в этом качестве.

Защита прошла успешно. И то, что это произошло в Тбилиси, в настоящее время мало кого волнует. Зато на банкете в Тбилиси после защиты один из крупнейших ученых-востоковедов во всеуслышание заявил, что у хеттов родился новый царь. Статус доктора наук, несомненно, повышал уважительное отношение к Владиславу.

Я уже как-то писал, что мы вместе с Владиславом обдумывали, сможет ли он стать лидером маленького народа. Думаю, что это с одной стороны сложнее, так как у нас было мало сил, а с другой — попроще, так как масштабы проблем были гораздо меньшими.

Владислав хорошо понимал, что для решения проблем, волнующих наш народ, нужно быть лидером не по должности, а по моральному праву. Начавшийся в Советском Союзе распад государства свидетельствовал, что рано или поздно нам придется решать вопрос самоопределения. Многие из тех, кто ранее готовил себя к лидерству абхазского народа, не были готовы к возможной борьбе. И поэтому они занимали выжидательную позицию — по принципу: куда нас выведет судьба.

Владислав понимал, что таким путем мы ничего не сможем создать. И он сознательно избрал путь борьбы, понимая, что другого пути обретения независимости у нас нет.

Я вспоминаю, как 17 или 18 августа 1992 года мы с Владиславом были в Бамборском аэропорту и пытались организовать взаимодействие в борьбе с вторгшимися на территорию Абхазии грузинскими вооруженными

формированиями. Там находились несколько российских генералов, которые в общем-то и не хотели нас слушать. Мы вынуждены были уйти от них ни с чем. И часа в 2 или 3 ночи, находясь на абсолютно пустом поле Бамборского аэропорта, мы обсуждали сложившуюся ситуацию. Владислав спросил меня: «Как ты думаешь, чем все это закончится?» Я ответил: «Если грузины победят, то тебя расстреляют как врага абхазского народа, и не исключено, что это сделают абхазцы. А меня или расстреляют, или арестуют. Другого пути у нас нет».

Не буду сейчас повторять то, что я писал и говорил о начале войны, боевых действиях и их результатах, через какие опасности и трудности вынужден был пройти Владислав Ардзинба. Во время войны он проявил себя выдающимся стратегом и организатором Победы.

А в 2002–2004 годах значительная масса нашего народа стала выступать против Владислава. Это были те люди, которые после его знаменитого выступления на съезде Верховного Совета СССР в Москве, во время предвоенных событий, во время войны и в первые послевоенные годы не пропускали ни одного застолья, чтобы произнести тост за Владислава. Что с ними случилось?

У Владислава были ошибки, которые могли вызвать недовольства, но это были не такие ошибки, чтобы силовым путем врваться в его рабочий кабинет и крушить находящееся там имущество.

А выступлениями против Владислава руководили те, которые в сложное время занимали выжидательную позицию, а после Победы решили, что пришло их время и надо брать власть в свои руки.

Довольно часто говорят и пишут о первом Парламенте Абхазии как о «золотом». Но и он оказался не на высоте и сразу после окончания войны принял участие в обструкции против Владислава. Большинству тех депутатов может быть оправданием, что они не очень понимали, что происходит и что ими манипулируют те, кто стоит в очереди за президентским креслом. Все они обещали исправить сложившуюся в государстве ситуацию. А что из этого получилось? Ничего. Никакого улучшения не произошло. Жизнь показала, что они и не знали, что надо делать. Главной задачей было занять кресло. По сегодняшний день две третьих населения Абхазии не связана налогообложением с государством, и народ живет за счет теневой экономики и российской помощи.

Не скрою, и у меня были проблемы во взаимоотношениях с Владиславом. Меня тоже хотели привлечь к активной борьбе с ним. Вынуждали выступать против него, писать статьи. Обвиняли меня в трусости за то, что я этого не делаю.

Единственный, кто меня тогда поддержал, — это был Константин Константинович Озган, который сказал мне: «Ни в коем случае не выступай против Владислава». И я прислушался к нему. Единственное, что меня вынудили тогда сделать, — это на съезде «Амцахары» сказать, что прини-

маемые Президентом решения должны быть понятными. Больше ничего другого меня не вынудили сказать.

Мы часто ссылаемся на зарубежные примеры. Я тоже хотел бы показать, как относятся к лидерам освободительных движений в других странах. Хотя эти страны и по масштабам, и по значимости в мировом сообществе несопоставимы с Абхазией. Но их отношение к своим лидерам может служить для нас примером.

Как мне кажется, судьба Владислава Григорьевича больше всего похожа на судьбу великого француза Шарля де Голля — человека, который прошел две войны. Наиболее разрушительной для французского государства стала война с Германией в 1940–1944 годах. Значительная часть Франции была оккупирована немцами, а на юге страны было создано марионеточное вишистское правительство маршала Петена. Франция как одно из великих держав мирового сообщества перестало существовать. Часть французов смирилась с оккупацией и содействовала Германии в её войне против СССР и его союзников. Несмотря на предложение сотрудничать с коллаборационистами, де Голль ушел в Англию и сумел из ничего организовать часть французского народа на борьбу с фашизмом. Это дало возможность Франции вернуть статус великого государства, постоянного члена ООН. Фактически де Голль сумел собрать развалившееся государство, стал руководителем страны. И в период его руководства Франция добилась серьезных успехов в экономике, создала атомную бомбу, вступив тем самым в сообщество ядерных держав. Но в 1968 году молодежь Франции выступила против Шарля де Голля, в стране по её инициативе провели референдум и вынудили уйти его в отставку.

Де Голль провел второй референдум и вернулся к власти, а затем сам добровольно ушел в отставку и отошел от активной политической деятельности.

Не сумел французский народ оценить этого великого человека, да и особых успехов Франция после де Голля не добилась. А вот китайцы поступили более мудро. Мао Цзэдун, основатель великого китайского государства, в ходе своего правления допустил множество серьезных ошибок. Чего только стоит культурная революция! Сменивший его в качестве лидера китайского государства Дэн Сяопин сумел исправить допущенные Мао Цзэдуном ошибки, которые можно квалифицировать и как преступления. Но он сохранил для истории и китайского народа имя этого человека — имя создателя Китайской Народной Республики, постоянного члена ООН. Этим самым подтверждена правомерность 30-летней войны китайского народа за свой суверенитет и сохранено имя человека, стоявшего во главе этого движения. Китайцы объявили, что на 80% деятельность Мао Цзэдуна полезна, и поэтому он является великим человеком.

Сумели ли мы поддержать авторитет такого выдающегося государственного деятеля, как Владислав Ардзинба, когда врываются в его кабинет

и ломали находящиеся там личные вещи основателя нашего государства? Выполнили ли свои обещания те, которые торопились сесть во властные кабинеты? Всему этому, я надеюсь, история даст объективную оценку.

Болезнь помешала Владиславу завершить свои задачи по созданию независимого государства, одну из которых он не смог из-за болезни реализовать, — это план по обеспечению продовольственной безопасности нашего народа и государства.

Он в своей деятельности стремился строить, насколько это возможно, на равных отношения с руководителями соседних государств. Во время его болезни представители России напрашивались к нему на прием. Можем ли мы сказать это в настоящее время о нынешних руководителях?

Владислав был личностью, и это признавали его друзья и враги.

Не могу не рассказать о том, как был воспринят слух о тяжелом ранении или гибели Владислава Григорьевича. В январе 1993 года мы находились с ним в Москве, и нам в Кремле предстояли очередные ответственные встречи. По договоренности, мы с Владиславом должны были встретиться у Спасских ворот Кремля в 17 часов. Он запаздывал. Без пятнадцати пять я позвонил Юрию Владимировичу Скокову и сообщил, что по каким-то причинам Владислав задерживается. Скоков же мне в ответ сказал: «А вы ничего не знаете?» Я: «Что именно?» «По радио передали, что Владислав тяжело ранен».

Я начал звонить по всем известным мне телефонам и никак не мог дозвониться ни до кого. Оказывается, все, кому звонил, также звонили друг другу и проверяли эти же слухи. Все это продолжалось минут 30, которые мне показались вечностью. Я почувствовал, как у меня поднялось давление. И я в это время думал только об одном: а кто его заменит, если, не дай Бог, что-то случилось?

Вдруг я увидел подходящего ко мне одного из охранников Владислава. Без слов понял, что всё нормально. За ним подошел и Владислав, а он ничего не знал. Оказалось, что его транспорт попал в пробку, и они не могли проехать. Я ему обо всем рассказал. И о чем думал — тоже. Он лукаво улыбнулся и спросил: «А ты не вспомнил, что я твой зять? И тебе меня не жалко как человека?» Я ответил: «Конечно, жалко. Но в этот момент для меня была важней судьба нашего народа, судьба государства».

Слухи о гибели Владислава дошли и до наших врагов. В течение длительного времени они ликовали и на радостях стреляли из всех видов оружия. А наместник грузин в Абхазии Надарейшвили в течение месяца доказывал, что Владислава нет в живых. Он успокоился только тогда, когда его заявления не подтвердились.

Вот кто такой был для всех наш лидер Владислав Ардзинба!

Я не хочу сравнивать свои отношения с Владиславом с более важными

**Участники первого Конгресса абхазо-абазинского (абаза) народа,
с. Лыхны, октябрь 1992 г.**

ми событиями в жизни нашего государства. Но все-таки расскажу еще об одном факте. Я уже говорил, что наши дружеские и рабочие отношения в целом продолжались около 30 лет. Но был один период в начале двухтысячных годов, около двух лет, когда произошло охлаждение наших взаимоотношений. Я чувствовал, что мы можем прийти к этому и неоднократно говорил Владиславу: не верь никому в то, что говорят обо мне; нас просто хотят столкнуть лбами, и это делают твои и мои завистники. В моем представлении Владислав был как большой океанский лайнер, к днищу которого прилипают различные моллюски и планктоны и замедляют его движение. К сожалению, эти прилипалы сделали свое дело. И как известно, я был снят с работы.

Но как ни пытались наши недоброжелатели, они не смогли добиться моего противостояния Владиславу. Со временем Владислав понял, что произошло. Но изменить случившееся уже было невозможно. Мы стали с ним общаться уже после того, как он перестал быть Президентом. И в один прекрасный день он спросил: «А ты считаешь меня своим врагом?» Я сказал: «Нет». «Но я же снял тебя?» «Да, снял. Но этого не надо было делать. Мое снятие с работы пошло во вред нам обоим, и изменить ничего мы не можем. Но для меня ты остаешься создателем нашего государства, что кроме тебя никто не мог сделать. И это не идет ни в какое сравнение с моим снятием с работы».

К этому вопросу Владислав возвращался еще несколько раз, но я отвечал то же самое. Видимо, Владислав тоже переживал.

В заключение я хотел бы еще раз высказаться о роли Владислава Григорьевича Ардзинба в национально-освободительной борьбе 1988–2002 годов. Кое-кто пытается принизить его роль, утверждая, что в войне 1992–1993 годов победил наш народ. Это правда. Но не вся. В этой борьбе были две равновеликие силы — Владислав Ардзинба и абхазский народ. Народ в данном случае это те, кто защищал Родину с оружием в руках и сделал вместе с Владиславом то, что казалось невозможным тогдашним и нынешним критикам. Без народа Владислав Ардзинба не смог бы выиграть войну, но и без него народ также не смог бы это сделать. С первых дней войны именно он и только он взял на себя ответственность за судьбу народа и уверенно заявил, что мы победим. А те, кто пытался принизить его роль, во время войны готовы были пойти на примирение с врагом, вплоть до создания абхазского варианта вишистского правительства (Лорик Маршания, Рауль Эшба, Аркадий Хашба и другие). Владислав Ардзинба, несмотря на всё это, несмотря на поражения в некоторых военных эпизодах, сумел объединить и организовать настоящих патриотов государства и привести наш народ к Победе.

(Записала Заира Цвижба)

СУДЬБА НЕ ПОЗВОЛИЛА ЕМУ ЗАВЕРШИТЬ ВСЁ ЗАДУМАННОЕ

Несколько лет тому назад кто-то из молодых, но ранних, рассуждая о путях развития нашей государственности, говорил, что время до Победы в войне с Грузией было временем романтиков, а после Победы стало временем прагматиков. Это не значит, что одни люди рождены быть только романтиками, а другие — только прагматиками. В жизни бывает по-разному. У личностей, патриотично настроенных и государственного уровня мышления, могут сочетаться эти кажущиеся взаимоисключающими качества. Время рождает у достойных политиков оба эти качества, и они могут проявляться в одно и то же время. Если говорить о периоде до Победы, то я бы отнес к нему вторую половину 80-х годов и первую половину 90-х. Для нашего народа это время было великим, давшим возможность проявлять ему свои исключительные качества.

В те годы совпало многое — приход к власти в СССР бездарного руководства, которое своей политикой активизировало тлевшие в недрах государства националистические, сепаратистские движения, приведшие в итоге к развалу государства. Грузия делала все, чтобы выйти из состава СССР и заодно прихватить с собой Абхазию. Именно в это время в Абхазии произошло судьбоносное событие: из Москвы на родину вернулся выдающийся политик Владислав Ардзинба, который, как показала жизнь, обладал всеми качествами государственного деятеля — патриотизм, ум, образованность, мужество, умение объединять вокруг себя своих единомышленников, а в военное время просчитывать возможные варианты событий. В зависимости от ситуации у него проявлялись особые, ценные качества настоящего лидера. В нем сочеталось все, что необходимо современному, европейски образованному политику. При этом он оставался абхазцем, со свойственным эшерскому крестьянину (так он себя называл) менталитетом. И он нередко повторял эту фразу. В тех случаях, когда я во время войны говорил, что необходимые нашей армии боеприпасы и вооружения находятся в пути и в ближайшее время должны прибыть, он отвечал: «Ты же знаешь, я крестьянин, и поверю тебе только в том случае, когда необходимое будет в амбаре, а ключ — в кармане». Он любил свое село, крестьянский труд и не менее уверенно, чем пером, владел орудиями крестьянского труда.

Наше сотрудничество с Владиславом Григорьевичем длилось более 30 лет. И у меня достаточно было времени, чтобы сложилось представление о его личности.

Познакомились мы с ним в 1972 году, и очень быстро у нас возникли доверительные, взаимоуважительные, дружеские отношения. Мы тогда уже были в зрелом возрасте — ему чуть меньше 30, а мне чуть больше 30 лет. По многим вопросам мы имели одинаковые взгляды: и по общегосударственным — в рамках Советского Союза, и по взаимоотношениям с Грузией, и, пожалуй, самому главному вопросу, который был для нас предметом постоянных обсуждений, — о судьбе нашей Родины Абхазии.

Шли годы. Национально-освободительная борьба против грузинского засилья в Абхазии начинала приобретать зримые организованные формы. И несмотря на то что Владислав жил в Москве, он очень тесно контактировал с нашей интеллигенцией, а также с представителями нетворческих слоев народа, которые, являясь патриотами, оказывали содействие в борьбе за сохранение абхазской государственности и самоидентичности абхазов. Принимая участие в археологических раскопках в сельских местностях, он еще более сблизился с абхазскими крестьянами, бывал у них в домах. Он сохранял все это в своей памяти и неоднократно тепло и красочно рассказывал мне об этом.

Здесь я не могу не сказать еще об одном факте. По жизни так получилось, что у меня были два учителя, от которых я много интересного узнавал. Один из них — Артур Аншба, который был старше меня лет на пять, а второй — Владислав Ардзинба, младше примерно на столько же лет. Артур Аншба был гуманитарием, хорошо знал мировую, русскую и абхазскую литературы, философию, марксистско-ленинскую идеологию. Владислав восхищал меня глубочайшим знанием мировой истории, в том числе древнейшей, античной. Знал достоинства и недостатки Советского государства. Повторяю: он был человеком глубочайших знаний. Общаюсь со мной, они, видимо, и от меня что-то получали, по крайней мере я помогал им в правовом оформлении обсуждаемых проблем. Постоянно общаясь и с одним, и с другим, я никогда не слышал от них ничего об их отношениях друг к другу. Из каких-то обрывочных фраз узнавал, что отношения у них взаимоуважительные. И только после смерти Артура Аншба я узнал, что Владислав Григорьевич очень высоко ценил его как ученого, знал его работы. Более того, он оказал содействие нынешнему президенту Академии наук Абхазии, а тогда молодому ученому Зурабу Джапуа в подготовке и публикации оставшихся после смерти Артура (интересно, что он умер в день защиты Владиславом докторской диссертации) исследовательских материалов.

Мне уже приходилось говорить о том, что Владислав Григорьевич,

АБНИИ им. Д. И. Гулиа

приехав на работу в Абхазию в качестве директора АБНИИ (ныне АБИ-ГИ), сразу же, без подготовительного периода, включился в национально-освободительную борьбу. Будучи вначале депутатом Верховного Совета Абхазской АССР, затем и Верховного Совета СССР, он уже был готов к созидательной деятельности по выравниванию правового статуса союзных и автономных республик. В итоге в свое время эти изменения сработали и открыли процесс по политико-правовому размежеванию Абхазии и Грузии.

Нельзя не отметить, что в Москве он оказался единственным депутатом от Абхазии, который занимался непосредственными нашими абхазскими проблемами. Можно только предположить, почему люди, которых принято было называть абхазской элитой, не приняли его, считали чужаком, не верили ему и не очень хотели, чтобы получилось то, к чему он стремился.

Работая в Верховном Совете СССР, Владислав уже показал себя прагматиком, организационно объединив представителей автономных образований Советского Союза, и с их помощью готовил и проводил в жизнь необходимые правовые нормы. В этом ему помогали тогдашний председатель Комитета по законодательству Верховного Совета СССР Юрий Хамзатович Калмыков и депутат Верховного Совета СССР от Чечни Саламбек Наибович Хаджиев, очень яркий и талантливый политик. И при этом не лишне еще раз отметить, что мотором, двигателем представителей автономных образований все-таки являлся именно Владислав Григорьевич Ардзинба. Я неоднократно был очевидцем того, как председатель подко-

митета автономных образований Верховного Совета СССР знаменитый калмыцкий поэт Давид Никитич Кугультинов советовался с Владиславом о программе работы подкомиссии. У Владислава в гостиничном номере собирались депутаты от автономий, ставшие впоследствии руководителями своих республик, и обсуждали готовившиеся к рассмотрению в Верховном Совете проблемы. Эти связи помогали Владиславу обращаться за помощью к руководителям автономных образований, и особенно таких мощных, как Татарстан и Башкортостан.

Политиком мирового уровня Владислав Григорьевич показал себя в ходе переговорного процесса с Грузией. В тех случаях, когда он не принимал непосредственного участия в переговорах, он совместно со мной изучал проекты предлагаемых решений, делал свои замечания и в соответствии с этими замечаниями предлагал мне переработать их. Нельзя не отметить, что он очень строго требовал подготовки квалифицированных проектов, и нередко я, как ученик на экзамене, ждал его оценок и, конечно, испытывал удовольствие, когда получал положительную оценку.

Первой и очень значительной нашей дипломатической победой явилось то, что мы сразу стали, в соответствии с международным правом, стороной в конфликте (так именуют в международных правовых документах нашу, грузино-абхазскую войну), чего не смогли добиться Нагорный Карабах, Приднестровье, Донецкая и Луганская республики. Мы же сумели решить этот вопрос в ноябре — декабре 1993 года — сразу после

окончания войны. Мы не дали возможности грузинской стороне обвинить Абхазию в геноциде. Повторяю: в переговорном процессе Абхазия и Грузия участвовали как две равноправные стороны, а не так, как Грузия хотела, — переговоров центра и его составной части. Руководителем всего этого был Владислав Григорьевич Ардзинба. В отличие от других начальников, он скрупулезно изучал предлагаемые для рассмотрения проекты, вылавливал ущемляющие наши интересы проблемы и убирал их.

Благодаря активной деятельности представителей Абхазии под руководством Владислава Григорьевича, у нас появилась возможность разместить миротворческие силы на границе между Абхазией и Грузией по реке Ингур, а их штаб — в городе Сухуме. В дальнейшем, в связи со сложившейся благоприятной обстановкой, у Российской Федерации появилась правовая возможность признать Абхазию субъектом международного права.

Говоря о роли Владислава Григорьевича Ардзинба в нашем национально-освободительном движении, нельзя еще раз не вспомнить его блестящее выступление на первом съезде народных депутатов СССР 2 июня 1989 года. И о том, что по его инициативе нами были подготовлены тексты «Декларации о государственном суверенитете Абхазии» и Постановления «О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии», принятых Верховным Советом Абхазской АССР 25 августа 1990 года.

И еще об одном положительном качестве Владислава Григорьевича. Он умел радоваться эффективным предложениям своих соратников, не скрывая их роли в этом.

Он обдумывал пути развития Абхазии в послевоенное время. Честно говоря, мы не очень были готовы к мирному развитию страны и интуитивно пытались найти пути решения. На первом этапе нам казалось, что моральный кодекс «Апсуара» будет в основе развития экономики и решения социальных проблем. Но жизнь показала, что мы не могли оставаться в мире государством-островком, построенном на национальных традициях и обычаях. По поручению Владислава я начал готовить материалы по развитию государства...

Наверное, в одной публикации нельзя рассказать о многогранной деятельности Владислава Григорьевича. К сожалению, тяжелая болезнь и преждевременная смерть не дали ему возможности довести до логического завершения все задуманное им. Если бы не это, в Абхазии было бы меньше неразрешенных проблем.

ОН ВСЮ ЖИЗНЬ БЫЛ ГЕРОЕМ И УШЕЛ ГЕРОЕМ

— *В последние годы все чаще стали появляться люди, рассказывающие о безграничной любви к Владиславу Ардзинба, приверженности его идеалам, хотя многие при жизни особо его не жаловали. Вы человек, который долгие годы был рядом с ним, знаете его. Что могли бы сказать по этому поводу?*

— Я буду говорить только о наших с ним отношениях. На первый взгляд, рассказать объективно о роли и значении в национально-освободительном движении нашего народа Владислава Григорьевича Ардзинба, в создании, становлении независимого абхазского государства и о трудностях, которые пришлось ему преодолевать на этом пути, вроде бы не так сложно.

Многое известно и зафиксировано в средствах массовой информации, в его выступлениях, интервью, статьях в журналах, книгах, ну и, наконец, живы те люди, кто был в тот период рядом с ним. Казалось бы, все известно, все на поверхности, ничего выдумывать не надо, говори правду, говори, что было. Однако в последнее время появилось одно новое обстоятельство, заключающееся, как вы правильно отметили, в демонстрации безграничной и всеобщей любви к нему и приверженности идеалам, за которые боролся и за которые он положил свою жизнь. Значительно выросло количество помощников, советников, соратников.

— *Вы в течение долгих лет были рядом с Владиславом Ардзинба, были его помощником. Знаете...*

— То, что сейчас показывают и пишут в абхазских средствах массовой информации, напоминает слащаво-приторное хоровое пение людей, многие из которых при жизни не очень жаловали Владислава Григорьевича и которые в настоящее время постепенно отходят от идеи сохранения суверенного Абхазского государства.

Фактически же никогда не было такого, чтобы абхазское общество в целом его поддерживало, видимо, есть такие люди и сейчас. Общеизвестно, что многие из тех, кто в начале освободительного движения относился как бы к элите абхазского общества, не признавали его, считали неизвестно откуда взявшегося Владислава чужаком, высказывающим крамольные мысли, которые могут погубить наш народ. Мудрость и заслуга Владислава Григорьевича в том, что он вышел на простых людей, на народ, на тех, кого называют «крестьянскими детьми», на тех, кому кроме

сохранения самоидентичности нашего народа и создания независимого Абхазского государства ничего не было нужно. Они поверили ему, а он верил им, и именно это привело наш народ к победе.

Конечно, это не значит, что Ардзинба делал все сам. Были у него и верные помощники, каждый из них выполнял порученное дело, а он разрабатывал стратегию борьбы, принимал решения и руководил их реализацией. Но при этом нельзя забывать о том, что каждого из его помощников можно было заменить, а Владислава Григорьевича заменить было некем. Без него и национально-освободительное движение, и борьба народа могли приостановиться, а может, и вообще прекратиться.

Во время войны те, кто с оружием в руках отстаивал нашу независимость, и их Главнокомандующий были едины, и без этого единства победить по всем показателям во много раз превосходившего врага было невозможно. В процессе войны он показал, что обладает всеми необходимыми качествами Главнокомандующего — мужество, умение стратегически мыслить и принимать правильные решения. Потому ему и верили! Все это мне известно не по рассказам, а потому, что я был не только очевидцем, но и непосредственным участником этих событий. В течение долгих лет я был одним из его помощников. Наверно, кто-то из природных «правдолюбцев» обязательно спросит: «А у тебя у самого все было ровно во взаимоотношениях с ним?»

Да, были проблемы, но об этом я скажу ниже. Все по порядку.

— *Как состоялось ваше с ним знакомство, каковы ваши впечатления о нем и наблюдения в тот период?*

— Начну же я с нашего с ним знакомства. Впервые я услышал о Владиславе Григорьевиче Ардзинба в 1971 году. Мне как-то сказали, что в Москве, в Институте востоковедения есть аспирант-абхаз Ардзинба, для которого кроме учебы ничего не существует и что он очень образованный человек. Я заинтересовался, и так получилось, что смог попасть к нему на защиту кандидатской диссертации в мае 1971 года. Честно говоря, тема диссертации мне была не очень знакома, она была посвящена хеттам, хаттам и другим древним народам Ближнего Востока. Но его манера излагать мысли, дискутировать с оппонентами, лексика произвели на меня очень большое впечатление. Для себя я решил, что этот человек будет большим ученым. Видимо, это так было кем-то предначертано, что в 1971–1972 годах мы стали не только друзьями, но и родственниками. Он женился на моей двоюродной сестре. Хотя он как «книжный» человек и истинный ученый называл наши отношения не родством, а свойством. У русских нет понятия «абхуара», а есть понятие «свойственники». Несмотря на то что Владислав жил в Москве, а я в Сухуме, мы встречались очень часто, в месяц один-два раза.

— *Расскажите о вашем общении. Что именно привлекало вас во Владиславе Григорьевиче?*

— По работе у меня постоянно возникала необходимость ездить по делам в Москву — в Министерство юстиции, Верховный суд СССР. Справедливости ради надо сказать, что я и сам иногда придумывал поводы для поездок в Москву, чтобы встретиться с Владиславом. Мне нравилось беседовать с ним, и несмотря на то что в то время он был сравнительно молодым человеком 27–28 лет, это уже был сформировавшийся ученый и гражданин, патриот Абхазии. Встречи и разговоры с ним для меня были своеобразными лекториями по истории, но не только Востока, а в целом по многим историческим проблемам, ну и, конечно, главное — по истории и судьбе нашей родины. Мы постоянно с ним обсуждали, что ждет в будущем наш народ и сохранится ли он как самостоятельная нация. В беседах с ним я узнавал много интересного. В то же время мои приезды, как мне представляется, были для него своего рода отдыхом, потому что большую часть своего времени он занимался научной работой, изучал древние тексты, расшифровывал клинописные тексты. Он был разносторонне образованный человек и интересовался не только историей, но и лингвистикой и другими гуманитарными науками. Мне приходилось присутствовать при его встречах с выдающимися учеными, языковедами, особенно мне запомнился великий лингвист — глава московской школы Старостин, будущий член-корреспондент РАН, который знал свыше пятидесяти языков. Из того, что они говорили, я не все понимал, но мне было интересно следить за логикой их обсуждения, и мне было очень приятно, что наш парень, родившийся и выросший в селе Эшере, на равных разговаривал с этими выдающимися людьми.

За годы работы в Институте востоковедения Владислав публиковал различные статьи в научных журналах, монографии, ездил в Англию, Турцию и к концу 70-х годов уже был готов защищать докторскую диссертацию. Однако возникла проблема с защитой, у него не было возможности защищать диссертацию в Москве, кто-то сознательно препятствовал. Не знаю, чем руководствовались грузинские ученые, но они ему предложили защищаться в Тбилисском университете. Как раз в это время я был в Москве. Он показал мне письмо с приглашением и спросил, что ему делать. Я ему сказал, что я тоже понимаю, что эта защита будет обязывать его, но пройдет время, все это уйдет, а звание доктора наук останется. В 1985 году состоялась защита. Я был на ней. Она прошла блестяще. Я запомнил одну фразу из выступления грузинского ученого-востоковеда. Он сказал, что после защиты диссертации Владислава Григорьевича Ардзинба родился новый «король хеттов». Сразу после этого его назначили заведующим сектором Института востоковедения, в котором работали

такие выдающиеся ученые, как Пиотровский, Коростовцев, Борганд-Леви и многие другие.

— *А как им поддерживалась связь с Абхазией?*

— Работая в Москве, Владислав Григорьевич постоянно поддерживал связь с абхазскими учеными, принимал участие в археологических раскопках, публиковался в абхазских научных изданиях. Этим я хочу сказать, что его хорошо знали в абхазском научном мире. В 1988 году умер директор Абхазского научного исследовательского института, выдающийся ученый, один из основоположников абхазской исторической науки Георгий Дзидзария. Коллеги Дзидзария решили, что его достойно может заменить Владислав Григорьевич, и он был назначен директором АбНИИ. Я не буду говорить о его научной работе, это прямого отношения к нашей совместной деятельности не имеет, об этом уже много сказано, я не буду повторяться. Именно ко времени переезда в Абхазию Ардзинба началась активизация противостояния между Грузией и Абхазией. Владислав Григорьевич принял активное участие в этой борьбе, и в течение одного-двух лет он стал фактически неформальным лидером национально-освободительного движения нашего народа.

— *Как он стал депутатом Верховного Совета СССР, какие силы были задействованы, как все происходило?*

— В 1989 году должны были состояться выборы в Верховный Совет СССР. Для участников освободительного движения не было сомнений, что одним из депутатов от Абхазии должен быть Владислав Григорьевич. Единственным районом Абхазии, где было гарантировано его избрание, был Гудаутский район. В Тбилиси же не хотели его избрания и решили

противопоставить ему очень популярного тогда в Абхазии политика Константина Озган, и с ним по этому поводу беседовали в ЦК Грузии (тогда этот орган еще оставался реальной властью, и ему обещали поддержку). Озган, конечно, понял, что это такое, и как настоящий абхазец и патриот посчитал, что в Верховном Совете СССР Владислав Григорьевич будет более полезен, и он категорически отказался выдвигаться. В случае выдвижения Озгана в депутаты, какими могли стать результаты выборов — неизвестно. И благодаря единству властей Гудаутского района и лидеров национально-освободительного движения Владислав Григорьевич был избран депутатом Верховного Совета СССР. Он проработал в Верховном Совете СССР с 1989 г. и до роспуска Парламента Советского Союза в 1991 году. Этот период был очень важным в жизни и деятельности Владислава Григорьевича. Его интеллект, целеустремленность оценили депутаты Верховного Совета, и он фактически стал руководителем представителей автономных республик Советского Союза.

— *Мы знаем, что в то время вы работали вместе с Владиславом Ардзинба, помогали ему. Над чем и как работали?*

— К сожалению, особой помощи от депутатов от Абхазии он не получил, и ему пришлось работать самостоятельно, единственный из депутатов, кто ему помогал, это был Руслан Аршба (ткуарчалский горняк), который не был гуманитарием и не мог должным образом оказывать ему поддержку. Поэтому по указанию тогдашнего руководства Абхазии (первого секретаря обкома партии Владимира Хишба) я был направлен в Москву и в течение полугода помогал как юрист Владиславу Григорьевичу. Мы вместе готовили правовые документы, которые потом Владислав Григорьевич проводил через Верховный Совет.

Работая вместе с Владиславом Григорьевичем в Верховном Совете и ранее, а также в последующие годы, я восхищался его умением работать над документами, четко формулировать мысли, точно знать, что надо, какие вопросы ставить в этих документах. Особо мне импонировало его умение читать документы оппонентов. Я как сейчас помню, как он изучал их, стоя и покуривая, и буквально вырывал из текстов то, что противоречило нашим интересам, и сразу же формулировал это так, как мы считали необходимым. И еще нельзя не сказать о том, что во время работы в Верховном Совете СССР нам очень помогал Юрий Хамзатович Калмыков, который в то время был председателем комитета Верховного Совета СССР по законодательству, и он заранее информировал нас о том, какие документы будут разрабатываться и на что, на его взгляд, следовало обратить внимание. Все, что было сделано в процессе этой работы, нами было использовано в процессе правового размежевания с Грузией. За это время благодаря активности Владислава Григорьевича автономные республики почти фактически были приравнены к союзным республикам, и даже был

принят закон, который при определенных условиях давал возможность автономным образованием выходить из состава СССР.

— *Расскажите, как удалось Владиславу Ардзинба добиться выступления с трибуны Верховного Совета СССР и говорить о проблемах Абхазии и других автономных республик?*

— В то время в Москве были сильны позиции грузинских лобби, еще работал в должности министра иностранных дел СССР и члена политбюро ЦК КПСС Эдуард Шеварднадзе, они всячески мешали тому, что делал Владислав Григорьевич, и препятствовали его выступлению на пленарном заседании Верховного Совета СССР. Несмотря на это, Владислав Григорьевич сумел добиться разрешения на выступление с трибуны Верховного Совета при помощи некоторых высокопоставленных партийных работников ЦК КПСС. Кроме того, ему помогал в этом депутат от Абхазии Тарас Шамба. И в своем выступлении Ардзинба впервые на весь мир рассказал о бедах и проблемах нашего народа и в целом автономной республики Абхазия. В этой связи хотелось бы рассказать о подготовке текста выступления. Сейчас неизвестно для чего, но муссируются слухи о том, кто готовил этот текст, у него появилось очень много авторов. Писали же его Владислав Григорьевич и я, и об этом он сам публично неоднократно заявлял. Писали мы этот текст долго, в течение десяти дней. Сложность написания заключалась не в том, что мы не знали, о чем писать, а в том, что было много материала, который необходимо было вместиť в пятнадцатиминутное выступление, а также и в том, что в ЦК КПСС постоянно интересовались, что мы пишем, и кое-что пришлось выбрасывать. В этой связи считаю необходимым рассказать, что большую помощь в сглаживании нашего текста, для того чтобы он был с точки зрения тогдашней власти «проходным», сделал заведомо ЦК КПСС по национальным вопросам Михайлов, а впоследствии руководитель министерства с таким же названием. Понятно, что в Абхазии это выступление было воспринято с большой радостью. Но его прослушали и запомнили и граждане России. Расскажу о некоторых эпизодах. На второй день после выступления мне понадобилось срочно вылететь в Абхазию. В кассах, обслуживавших съезд, билетов не оказалось. За билетом пошел Владислав Григорьевич. Работники кассы спросили его: «Это вы вчера выступали на съезде? Вам мы не можем отказать». И билет дали.

В день выступления, вечером, позвонил Андрей Битов и спросил у меня: «Где вы нашли парня с таким хорошим русским языком?» А Андрей Битов считается одним из крупнейших русских писателей-стилистов. И еще одно. В период непростой обстановки, складывавшейся перед выступлением, Владислав Григорьевич проявил необходимые бойцовские качества. Я то ли в шутку, то ли всерьез сказал Владиславу, что если мне разрешат выступить, я с перепугу не дойду до трибуны. А он сказал: «Ты

продолжай работать и увидишь, как это я исполню». И действительно, он блестяще это исполнил.

После всего изложенного я просил бы всех квазиавторов прекратить все ненужные рассуждения об авторстве текста выступления на съезде народных депутатов СССР.

— *Как Владислав Ардзинба стал руководителем Абхазии? И как решился этот вопрос?*

— В то время политическая обстановка в Абхазии еще больше накалилась, кроме всего прочего истек срок полномочий Верховного Совета Абхазии, предстояли выборы нового состава. В сложившейся в Абхазии демографической ситуации трудно было сформировать такой орган, который мог бы защищать интересы абхазского народа и абхазской государственности. И одновременно с этим надо было решать вопрос об избрании нового руководителя Абхазии. Как я говорил выше, фактически лидером нашего народа уже был Владислав Григорьевич Ардзинба, но избрать его не было возможности, потому что грузинская часть абхазского Верховного Совета не проголосовала бы за него. Нужно было искать какой-то выход. Большую помощь в решении этой проблемы оказал бывший первый секретарь Абхазского обкома партии Борис Викторович Адлейба. Он организовал встречу Владиславу Григорьевичу и мне с представителями тогдашней партии власти Грузии «Круглый стол». В течение недели мы с Владиславом Григорьевичем в доме у Бориса Викторовича вели с ними переговоры. Надо было решить два вопроса: первый — добиться того, чтобы депутаты Верховного Совета Абхазии грузинской национальности проголосовали за избрание Владислава Григорьевича на должность председателя Верховного Совета Абхазии, а также они дали согласие на внесение поправок в Закон Абхазии «О выборах в Верховный Совет», которые позволили бы иметь абхазским депутатам хотя бы минимальное большинство. Переговоры шли очень трудно. Владислав Григорьевич заявил, что он не сможет быть руководителем Абхазии, если у него не будет состава, гарантирующего принятие необходимых для нашего народа решений. В итоге мы договорились решать эти вопросы поэтапно. Вначале избрать председателем Верховного Совета Абхазии Владислава Ардзинба, а затем разработать закон, который дал бы возможность сохранить абхазам в Верховном Совете хотя бы минимальное большинство. Мне было поручено подготовить эти поправки. Так родился «квотный» закон. Мы смогли убедить представителей Грузии, что подготовленный нами закон не ущемляет их интересов, но на самом деле мы сумели обеспечить себе стабильное большинство голосов. Власти Грузии сразу не поняли этого и дали согласие на наши поправки. И только через два года уже после окончания войны парламент Грузии принял решение, которым признал

этот закон апартеидом грузин в Абхазии. Мы же благодаря этим поправкам сумели создать отвечающие интересам нашего народа парламент, который принял решение, существенно приближавшее Абхазию к суверенитету. После достижения договоренности с грузинскими депутатами возникла еще одна трудность — уже внутри абхазской части депутатов. В результате внесенных изменений в Конституцию Абхазии был упразднен Президиум Верховного Совета Абхазии, который в то время являлся фактическим руководством республики. В то же время сохранилась должность председателя Верховного Совета, каковым был Константин Константинович Озган. В период функционирования Президиума Верховного Совета председатель Верховного Совета играл чисто декоративную и представительскую роль, а после упразднения Президиума Озган стал первым лицом в республике. Многие представители тогдашней власти хотели, чтоб он остался таковым, но Озган во второй раз показал себя настоящим политиком и патриотом и заявил, что отказывается от этой должности и будет поддерживать Владислава Григорьевича Ардзинба. И он выполнил свои обещания. Таким образом Владислав Григорьевич стал руководителем Абхазии.

— *В нелегкое время Владислав Ардзинба возглавил страну, приходилось много работать над заветной мечтой — приобретением статуса суверенного государства. С чего все начиналось?*

— С первых же дней работы Владислав Григорьевич начал реформирование органов власти Абхазии, которое по существу означало размежевание в государственно-правовом отношении Абхазии и Грузии. Этому препятствовали депутаты грузинской национальности. Объявляли бойкоты, а затем вышли из состава Верховного Совета Абхазии. Было много трудностей, но Владислав Григорьевич все это выдержал и уверенно вел наш народ к намеченной цели.

В то время я постоянно был рядом с ним и видел, как тонко и целеустремленно он проводит линию на обретение Абхазией статуса суверенного государства. Я в этом ему оказывал помощь. Тогда мы сумели вывести в правовом отношении силовые структуры Абхазии из абсолютного подчинения властям Грузии. Создали новые органы, которые были присущи суверенному государству, такие как таможенный комитет и т. д. Занимаясь этими проблемами, Владислав Григорьевич, что называется, «горел» на работе. Вечерами он уходил домой с папкой документов и там продолжал работать над ними. А утром, возвращаясь уже на работу, он говорил нам, что надо делать, и предлагал нам искать пути решения проблемы. Запомнился мне один на первый взгляд анекдотичный случай, а по существу очень важный политический вопрос — как назвать службу государственной безопасности. Владислав Григорьевич считал, что необ-

ходимо дать ей название, не идентичное названию аналогичной службы в Грузии. По его мнению, разные названия являлись началом слома централизации этой системы. Мы сделали МГБ — грузины тоже сделали МГБ. Тогда мы сделали Службу общественной безопасности, грузины тоже сделали такое же название. И так происходило несколько раз. В конце концов, грузины не выдержали и позвонили мне, попросили дать любое название, но больше не менять, чтоб они тоже могли сделать то же самое. Я передал это Владиславу Григорьевичу, а он сказал: «Пусть мучаются, а мы спешить не будем».

Об инициативах и о совместной нашей тридцатилетней деятельности можно рассказывать очень много, но в рамках этого интервью этого сделать невозможно, поэтому буду говорить выборочно о наиболее важном. К таким решениям можно отнести произведенный по инициативе Владислава Григорьевича переход к Конституции Абхазии 1925 года. Фактически мы запутали грузин с этой Конституцией, но они не разобрались, зато Абхазия по этой Конституции стала суверенным государством.

— *Очень коротко о решении Владислава Григорьевича принять участие 17 марта 1991 в референдуме о сохранении СССР ...*

— Грузия отказалась принимать участие в референдуме, но несмотря на это Владислав Григорьевич принял решение его проводить. Референдум проходил в очень сложных условиях, но он был проведен, и это было еще одним шагом к выходу из состава Грузии. Власти Грузии объявили его незаконным, возбудили уголовное преследование в отношении тогдашнего заместителя Председателя Совета Министров Абхазии Энвера Эрастовича Капба и поручили сотрудникам МВД Абхазии и Грузии найти и изъять бюллетени для голосования. Но бюллетени были запрятаны в Гудаутском РОВД, а оттуда Константин Константинович Озган организовал их отправку в Москву.

— *Накануне войны у вас состоялась встреча с Борисом Николаевичем Ельциным. Что волновало Владислава Григорьевича?*

— Хотя у нас с Владиславом Григорьевичем отношения были довольно близкими и доверительными, он никогда мне не рассказывал о том, каким образом он получает абсолютно секретную информацию. Так, в первых числах марта 1992 года он мне сказал, что завтра мы должны быть в Сочи, но куда и зачем конкретно ехать он не сказал. Таким образом, на второй день мы оказались в Бочаровом Ручье у Бориса Николаевича Ельцина. В тот день была встреча очень короткая, но мы договорились, что через день встретимся уже в Мюссере. Действительно, такая встреча состоялась. Владислав Григорьевич подробнейшим образом рассказал о том, что происходит в Абхазии во взаимоотношениях между Абхазией и Грузией, что продолжение этих процессов может привести к войне. Кро-

ме того, он говорил о том, что разрушается советская система ПВО, в российских частях разворачиваются оружие и боеприпасы. Без активного вмешательства России в это войны с Грузией не избежать. И что наступит время, когда придется все это восстанавливать. У меня создалось впечатление, да и у Владислава Григорьевича тоже, что нашего собеседника эти проблемы не очень волнуют, единственное, он сказал: «В случае чего мы вас не дадим в обиду, вы только о себе погромче заявите». Большую часть нашей беседы Ельцин говорил о Горбачёве, о том, что его не мешало бы арестовать. И как показали дальнейшие события, на первом этапе военных действий между Грузией и Абхазией он ничего не предпринимал по их прекращению.

— *Как развивались дальнейшие события в этом направлении после начала войны? Как готовился проект итогового документа по урегулированию конфликта, кто принимал в нем участие?*

— Началась война. Владислав Григорьевич решил воспользоваться обещаниями Ельцина об оказании помощи, даже ездил к нему в Бочаров Ручей, но не был принят. Люди старшего поколения помнят, что после начала боевых действий несколько раз назначались сроки проведения встреч между руководителями России, Абхазии и Грузии для урегулирования конфликта, но эти сроки тогда по непонятным нам причинам несколько раз переносились. Впоследствии мы выяснили, что после мартовских встреч Владислава Григорьевича и Ельцина у последнего в Дагомысе состоялась встреча с Шеварднадзе. Шеварднадзе на встрече попросил Ельцина дать ему возможность в течение недели навести, как он говорил, конституционный порядок в Абхазии, и чтобы Россия в этот процесс не вмешивалась. Ельцин дал согласие и, более того, публично заявил, что ни один российский солдат не будет участвовать в событиях в Абхазии. Но ход событий показал, что отпущенного Ельциным времени недостаточно. Прошла неделя, другая, а с «наведением порядка» ничего у них не получалось, поэтому тогдашний министр обороны Грузии Китовани несколько раз летал в Москву и просил дать ему еще отсрочку, но возглавляемое Владиславом Ардзинба сопротивление абхазского народа все крепчало и крепчало и приобретало организованный характер. И поэтому было решено провести 3 сентября 1992 года встречу руководителей в Москве. 2 сентября 1992 года, до встречи руководителей в МИДе РФ, над подготовленным российской стороной проектом итогового документа встречи работали представители России, Абхазии и Грузии. Российскую делегацию возглавлял кто-то из заместителей министров, не помню кто, но не Пастухов. А в нашу группу входили Юрий Воронов, Зураб Лабахуа, Игорь Ахба и я. Возможно, еще кто-то, не помню. Мы работали до двух часов ночи и внесли много изменений. Затем было решено встретиться

утром в восемь часов и напечатать исправленный текст, но в восемь часов утра в МИДе тех, с кем мы работали, не оказалось, но как нам сказали, все они находятся в «Президент-отеле», где должна была состояться официальная встреча, и мы поехали туда. Там была абхазская делегация, она была очень большой. По указанию Владислава Григорьевича вместе с ним на официальную встречу пошли Юрий Воронов, Сергей Багапш, Альберт Тополян, Константин Озган. В российскую делегацию, возглавляемую Ельциным, входили руководители российских автономий. И к нашему удивлению, на обсуждение был представлен неизменный проект. Владислав Григорьевич пытался как-то изменить этот текст, но поддержки не получил, он был поставлен в безвыходное положение. В один из перерывов я оказался за одним столиком с Владиславом Григорьевичем. Как мне помнится, с нами был и Георгий Колбая. Владислав Григорьевич сказал, что он понимает, что подписывать этот документ очень плохо и не подписать его — тоже. И в сердцах он бросил такую фразу: «Ты знаешь, о чем я сожалею? Я сожалею о том, что меня мама родила». Я как мог старался убедить его, что этот документ — не конец борьбы, что надо выживать. После подписания Владислав Григорьевич сказал, что вечером мне надо встретиться с Секретарем Совета безопасности Российской Федерации Скоковым. Каким образом он получил информацию об этом, я опять не знал. Вечером на встрече Юрий Владимирович Скоков мне сказал, что в России очень много людей, которые с большим уважением относятся к Владиславу Григорьевичу, что он настоящий боец и лидер народа, и было бы неплохо, если такой лидер был бы у России. Об Ельцине он сказал, что этот человек беспринципный и принимает решения в зависимости от того, кто к нему раньше пришел. И в заключение он сказал, что по мере своих возможностей он будет помогать борьбе нашего народа, и в этом он будет не один, потому что ликвидация абхазской государственности противоречит геополитическим интересам России. В последующем, практически в течение всей войны, я постоянно встречался со Скоковым, и он оказывал нам большую помощь, о которой когда-нибудь я смогу рассказать.

Наверное, пора мне уже останавливаться, всего за один раз не расскажешь. Единственное, что мне хотелось в заключение сказать, это то, что во время войны Владислав Григорьевич был Верховным Главнокомандующим Вооруженными силами Абхазии не по должности, а, если так можно выразиться, по моральному праву. Он принимал непосредственное участие в планировании всех операций, совместно определял стратегию войны. Война шла с переменным успехом. На первом этапе нам было очень сложно, у некоторых появились упаднические, пораженческие на-

строения. Владислав Григорьевич все это выдержал и перенес, и привел наш народ к победе.

— *Какие личные отношения были между вами и Владиславом Григорьевичем?*

— Ну, и о наших личных с ним отношениях... Из того, что выше было сказано, можно сделать вывод, что в течение почти трех десятилетий мы были с ним в близких и доверительных отношениях. Но были и другие люди, которые сумели приблизиться к Владиславу Григорьевичу, которым я очень мешал. Примерно в 2001-2002 годах они убедили его, что я не поддерживаю проводимую им политику, и в течение двух этих лет произошло взаимное охлаждение. Указ Президента РА о моем освобождении за неподготовленность к отопительному сезону свидетельствует о надуманности этого решения. После распада СССР и по сегодняшний день никто не занимался и не занимается этой работой. После моего ухода с работы Владиславом предпринимались меры по нашему сближению, но я отказался, потому что не хотел работать с теми, кто тогда пришел к власти. С моей точки зрения, эти люди мало интересовались проблемами нашего народа и государства. Посредникам я сказал, что я с удовольствием возобновлю с ним отношения после того, как он перестанет быть Президентом. Так и произошло. Мы с ним восстановили отношения, и, как мне кажется, мы оба пришли к выводу, что нас победили наушники и завистники. Все годы до его смерти мы очень часто встречались, и он неоднократно задавал мне вопрос: «А ты считаешь меня своим врагом?». Я сказал: «Нет». «Но я же тебя снял с работы?!». «Да, снял, но по сравнению с тем, что ты сделал для нашего народа и государства, это незначительная и незаметная мелочь». За несколько месяцев до его смерти мы отмечали его день рождения, тогда я сказал: «Владислав, бессмертных людей не бывает, кто-то уходит раньше, кто-то позже, ты болен, но ты счастливый человек, ты добился в жизни всего, к чему стремился. Стал выдающимся ученым и создал независимое Абхазское государство. Это является для тебя лучшим памятником, выше любого славословия и лизоблюдства».

И последнее. Наблюдая постоянно за Владиславом Григорьевичем в период его болезни, я видел, что он мужественно воспринимал то, что с ним происходило, и то, что в ближайшее время он уйдет из жизни. Подтверждением этому является его Завещание.

Владислав Ардзинба всю жизнь был Героем и ушел Героем!

(Интервью брала Марина Гумба)

О РОССИИ, ЕЛЬЦИНЕ И ГРУЗИНО-АБХАЗСКОЙ ВОЙНЕ

В ходе подготовки ряда материалов для газеты «Республика Абхазия» в год 25-летия Победы в Отечественной войне народа Абхазии с Анри Михайловичем Джергения, который в течение 15 лет являлся советником и личным представителем Владислава Григорьевича Ардзинба и многие годы — Генеральным прокурором Абхазии, я спросила его: «Вы встречались с высокопоставленными чиновниками Советского Союза и России, знали первых лиц Российского государства. А могли бы Вы что-нибудь рассказать о Борисе Николаевиче Ельцине?» Он ответил: «Наверное, смог бы».

Я безмерно благодарна Анри Михайловичу за тесное и серьезное сотрудничество с нашей газетой и напоминаю читателям, что еще летом мы опубликовали два его материала под рубрикой «Они помогли Абхазии победить». Это — воспоминания об экс-президенте Татарстана Минтимере Шариповиче Шаймиеве и экс-кандидате в президенты РФ на выборах 2018 года Сергее Николаевиче Бабурине. А недавно была опубликована статья А. Джергения о Николае Акиртава. Мы уверены, что очередное воспоминание Анри Джергения о такой неординарной политической фигуре, как Ельцин, от действий и решений которого зависело немало при определении судьбы Абхазии, вызовет у наших читателей большой интерес.

Заира Цвижба

Анализ процесса распада Советского Союза свидетельствует о том, что если бы руководители СССР и России того периода являлись государственниками, то при всех сложностях (не секрет, что у государства имелись существенные экономические, политические и национальные проблемы), как мне представляется, его можно было бы сохранить. Думаю, что если бы в тот период во главе государства находился человек уровня нынешнего Владимира Путина, то он смог бы это сделать. Приведу один пример. 19 августа 1991 года, после объявления о создании ГКЧП, многие члены гамсахурдиевской партии «Круглый стол» пришли в районные комитеты Компартии Абхазии сдавать партвзносы, объясняя разными причинами их давнюю неуплату и демонстрируя этим свою лояльность действующей власти. Это были не те люди, которые отстаивали

бы позицию в связи с изменившейся ситуацией. Кроме того, сам Звиад Гамсахурдия поддержал ГКЧП. Ничем не отличались от них и российские митинговые крикуны, которых я имел возможность наблюдать в течение полугода, проживая вместе с Владиславом Ардзинба в гостинице «Москва». Манежная площадь напоминала Красную площадь, описанную Пушкиным в смутные времена. Там ежедневно собирались десятки тысяч людей. У входа в ресторан гостиницы стояла эстрада, и кто-то похожий на санаторно-курортного массовика-затейника периодически провозглашал: «Ельцин — президент! Ельцин — президент!». И в ответ эти люди дружно ревели: «Президент! Президент!» Активность толпы поддерживалась постоянно подъезжающими пикапчиками с горячительными напитками.

И Горбачев, и Ельцин оказались не теми людьми, которые были заинтересованы в сохранении государства. Они боролись только за одно: обосноваться в кремлевском кабинете независимо от того, сохранит ли их приход государство. Об отношении Ельцина к государству свидетельствует и такой факт, который мне известен еще с советских времён. Борис Ельцин, находясь в опале после освобождения с должности первого секретаря МГК, прибыл в США и стал добиваться приёма у тогдашнего президента Буша Старшего (об этом мне рассказал человек, принимавший непосредственное участие в этих событиях). Буш не хотел его принимать, чтобы не обидеть Горбачева. После неоднократных обращений Ельцина о приеме Бушем, последний поинтересовался, о чем тот собирается с ним говорить. Ельцин попросил передать Бушу, что если ему помогут стать руководителем Российской Федерации, то он добьется суверенитета России в составе СССР. Суверенитет России предполагал развал Советского Союза. Буш после этого согласился принять Ельцина, как бы случайно встретившись с ним в кабинете у одного из своих помощников. Встречу показывали по телевидению Советского Союза. После этой встречи Ельцину начали финансово помогать в форме гонораров за проводимые лекции. В свое время в прокуратуре СССР мне показывали множество видеозаписей о нахождении Ельцина в США. Часть из них также показывали по телевидению. Лекции, за которые ему платили 25 тысяч долларов в час, по существу были пьяным бредом. Кроме того, были кассеты, на которых Ельцин оправлял у шасси самолета естественные потребности по малому, пощипывал женщину на публичном приёме и т.д., и т.д.

Конечно, такой лидер Советского Союза и России американцев не мог устраивать. Он для них был находкой. И все дальнейшие события свидетельствовали о том, что они продолжали постоянно его поддерживать.

Как известно, в мае — июне 1990 года на выборах председателя Верховного Совета Российской Федерации Ельцину противостоял представи-

Москва, 1993 г.

тель КПСС Иван Полозков. Два тура голосования не выявили победителя. Предстоял третий, решающий тур. По подсчетам аналитиков, Полозков мог набрать на 100–150 голосов больше. Однако Горбачев вызвал его и в приказном порядке вынудил снять свою кандидатуру, мотивируя тем, что иначе это может привести съезд к расколу. И тогда Ельцин победил. По результатам голосования раскол среди депутатов все равно сохранился, а кандидат, который мог победить, снят с голосования... У Горбачева были и другие основания и возможности не дать Ельцину победить, но он почему-то этого не сделал, хотя понимал, что победа Ельцина — это распад Советского Союза и конец личной его карьеры. Вспомним: сумели же американцы вынудить выйти из президентской гонки популярного во Франции кандидата Стросс-Кана, который, по прогнозам, был наиболее вероятным победителем в борьбе за высший пост в государстве.

Затем, 12 июня 1991 года, Ельцин был избран президентом Российской Федерации.

Неудивительно, что пришедший таким путем к власти председатель Верховного Совета, а затем президент России Ельцин находился под полным влиянием американских и западноевропейских советников, которые официально работали во всех значимых властных структурах. Все это привело Российское государство на грань развала, и только уход Ельцина с политической арены дал возможность сохранить его.

Конечно, мне известна расхожая фраза о том, что история не терпит

сослагательного наклонения. Но это не значит, что события тех лет не подлежат анализу и оценке и не могут быть учтены в будущем.

На мой взгляд, В.В.Путин дал политически выверенную и объективную оценку значению распада СССР в современном мировом сообществе.

Есть у меня и личные воспоминания о встречах с Борисом Ельциным. Я дважды сопровождал Владислава Григорьевича Ардзинба на встречах с ним — первый раз в Бочаровом Ручье в Сочи, а второй раз в Мюссере в Абхазии. Эти встречи произошли в промежутке между 1 и 7 марта 1992 года.

В Бочаровом Ручье встреча была короткой, тогда мы договорились встретиться в Мюссере через несколько дней и основательно поговорить о всех проблемах, волнующих руководство Абхазии. Встреча состоялась, и она длилась не менее 6 часов.

Для нас это было очень важное событие, поэтому мы решили подготовить полноценную рабочую встречу, в том числе с официальным обедом. Тогда дача в Мюссере находилась в ведении Российской Федерации. На всякий случай мы заранее послали необходимые продукты. Приезд Ельцина намечался к 3 часам дня. Мы с Владиславом приехали на полчаса раньше — посмотреть, как идет подготовка к встрече. Оказалось, что из посланных нами продуктов ничего не было приготовлено. Владислава Григорьевича знали как популярного политика и российские офицеры, и гражданский обслуживающий персонал, и они прислушивались к тому, что он говорил. Владислав стал выяснять причину невыполнения заказа и потребовал как можно быстрее приготовиться к встрече. Те объяснили, что из Сочи поступила команда подготовить только легкий стол и без горячительных напитков.

Но мы решили все-таки достойно подготовиться к встрече руководителя нашего великого соседа. После команды Владислава Григорьевича обслуживающий персонал обязался приготовить обед за час.

Ровно в 3 часа на рейде появился корабль типа «Река — море», и минут пятнадцать четвертого гости были на берегу. Мы с Владиславом Григорьевичем договорились до приготовления пищи занять их разговорами, в том числе попытаться затронуть государственные проблемы, которые нас волновали. С Борисом Николаевичем приехали его супруга Наина Иосифовна и начальник охраны Коржаков. Ельцин был уже заметно выпивший.

Гуляя по парку, мы попеременно менялись — то Владислав Григорьевич с Ельциным, то я, и наоборот — кто-то из нас шел с супругой. Ельцин заинтересовался, на какие средства построена дорогостоящая дача, которая официально называлась «Чайка-2». Зная о его нелюбви к Горбачеву, я решил ему подыграть. К этому времени строительство было уже

завершено. Ельцин знал, что дача строилась для Горбачева, поэтому он старался представить его как человека, расточительно распоряжающегося государственными средствами. Я ему рассказал, что строили её, не считаясь с расходами. Средняя зарплата рабочих на объекте составляла 2 тысячи рублей в месяц, тогда как средняя зарплата обычных рабочих в то время была не более 200 рублей. Из всех районов Грузии завозились плодовые и декоративные растения, мандариновые деревья, и все это в десять раз превышало обычные расходы. Строительство госдачи было как бы подарком руководства Грузии Горбачеву. Значительная часть денег аккумулировалась за счет перевода мяса из госторговли в кооперативную (в госторговле килограмм мяса стоил 2 руб. 20 коп., в коопторге — 7 руб. 30 коп.). Ельцин стал возмущаться, заявляя: «Вот куда уходят государственные деньги!»

Потом в очередной раз мы поменялись парами: Ельцин разговаривал с Владиславом Григорьевичем, а я — с его женой. Они шли впереди, дошли до забора госдачи и возвращались, а мы с Наиной Иосифовной двигались им навстречу. Ельцин и Наина Иосифовна столкнулись, и он игриво сказал: «Вот мы опять встретились...». Она отреагировала со злостью: «Видеть тебя не могу, пьяницу!»

Так прошло около полутора часа. Я поручил начальнику охраны информировать меня о том, как проходит приготовление пищи. И вот он подошел ко мне и на ухо сказал, что можно садиться за стол. Ельцин увидел это и, видимо, догадавшись, спросил, о чем идет речь. Я ему ответил, что было бы неправильно, если мы хотя бы небольшим застольем не отметим приезд главы Российского государства. Я боялся, что он откажется, так как знал о запрете Наины Иосифовны принимать участие в застолье. И когда я попытался покрасочней развить мысль, чтобы уговорить Ельцина согласиться на наше предложение, он, не дав договорить, спросил: «Уже готово?». Я ответил, что подготовка завершена, и можно потихоньку подтягиваться к столу. Он сказал, что согласен, а как поговорить со своими спутниками, он знает.

...Постепенно мы втянулись в застолье и в процессе этого перешли к проблемам, которые нас интересовали. Владислав Григорьевич начал говорить о реальной возможности возникновения вооруженного конфликта между Абхазией и Грузией, и мы хотели бы услышать, как поведет себя Россия в таком случае. Ельцин ответил: «В случае осложнений заявите о себе погромче, а мы вам поможем». О возможной помощи Абхазии он говорил категорично... Но когда в июле 1993 года, во время перемирия с Грузией после ожесточенных боев, Владислав Григорьевич в Москве встретился с Ельциным и, не удержавшись, спросил его: «Борис Николаевич, мы достаточно громко о себе заявили или ещё что-то надо сделать?» — ответа не последовало.

Сочи. Бочаров Ручей, сентябрь 1994 г.

В ходе застолья Ельцин стал проявлять интерес к алкогольным напиткам. Его, правда, не заинтересовали местные вина, и он перешел к коньяку и водке, запивая нашим вином. И постепенно терял контроль над собой. Он стал усиленно ругать Горбачева, сказав, что тот обратился к нему с просьбой дать разрешение на поездку в Японию, а он хочет его посадить. У Владислава была привычка на официальных встречах называть меня «прокурор». И на каком-то этапе Ельцин решил, что я не прокурор Абхазии, а России, и спросил меня, дам ли ему санкцию на арест Горбачева. Я замешкался, не зная, что ответить, и по-абхазски спросил Владислава, что мне делать. Он посоветовал: скажи «да». И я сказал. Ельцину это очень понравилось, и он назвал меня молодцом. Ельцин с пьяных глаз мог меня спутать со Степанковым — генпрокурором России, по комплекции мы чем-то с ним похожи.

Наше застолье затянулось часов до восьми, а может, и дольше, стало темнеть. Мы подошли к пирсу. Там собрались работники госдачи, они принесли ему на прощание фрукты, но Ельцин уже не был способен воспринимать происходящее нормально. И разговор его стал напоминать беседу в прорабском вагончике (этот лексикон мной был усвоен со времен участия в студенческих отрядах). Неожиданно Ельцин побежал к морю, имитируя попытку броситься в воду. Я вынужден был догнать его и схватить за полу его теплой куртки. Масса Ельцина была намного больше моей, и он меня волочил к концу причала. Там мы и остановились.

Гости поднялись на корабль. Ельцин взобрался на капитанский мостик и стал задавать различные вопросы Владиславу — типа: ты где, Вла-

дислав? где Пицунда? где Рица? где Мюссера? и это все твое? Владислав Григорьевич вежливо отвечал: да, все это наше!

В ответ Ельцин прокричал: «Хорошо устроился! Ты мне нравишься! В Москве будешь — заходи».

Несмотря на эти приглашения, 14 августа 1992 года, в день начала военных действий в Абхазии, Ельцин, находясь в Бочаровом Ручье, не принял Владислава.

Позже выяснилось, что Ельцин наши с ним переговоры всерьез не воспринимал. И фактически он дал добро на ввод грузинских вооруженных формирований в Абхазию в августе 1992 года. Следует отметить, что в ходе вооруженного противостояния с августа 1992 по сентябрь 1993 года и в последующие годы мне неоднократно приходилось встречаться с руководителями МИДа, Министерства обороны и других силовых структур России, которые по указанию Ельцина делали нам взаимоисключающие предложения — то в одну, то в другую сторону. Были случаи, когда его команды противоречили ранее достигнутым договоренностям и интересам России. (Мне запомнилось, как в этих случаях один мудрый российский дипломат говорил: «Наша с вами задача — помочь президенту России сохранить свое лицо».) И мы это исправляли.

В Дагомысе летом 1992 года Шеварднадзе согласовал с Ельциным, что Грузия в течение недели установит в Абхазии конституционный порядок, и после этого они будут принимать решение по Абхазии, но этого у них не получилось. Тогдашний министр обороны Грузии Тенгиз Китовани трижды ездил в Москву с просьбой разрешить Грузии продолжить установление конституционного порядка. Поэтому по российскому телевидению несколько раз сообщалось о переносе срока проведения встречи Ельцина, Шеварднадзе и Ардзинба. И когда стало ясно, что то, что Грузия называла установлением конституционного порядка, не станет легкой прогулкой по Абхазии, был определен срок встречи на 3 сентября 1992 года.

Мне уже как-то приходилось говорить, что руководители силовых структур России внимательно следили за тем, что происходило 3 сентября. Позиция и поведение Владислава Ардзинба им очень понравились, и многие из них для себя определили, что это тот человек, с которым следует поддерживать отношения. Позицию России после этой встречи можно назвать «доброжелательным нейтралитетом». Несмотря на определенную противоречивость действий российских властей, для нас Россия стала тылом, и, я думаю, это обстоятельство мы не должны забывать. Нельзя не помнить и о том, что большую роль в нашей победе со стороны России сыграл её Парламент того периода, который зачастую нейтрализовал необдуманные решения исполнительной власти.

О ВЛАДИСЛАВЕ АРДЗИНБА И ЕГО КНИГЕ «ВЛАДИСЛАВ АРДЗИНБА. МОЯ ЖИЗНЬ. 1945–2010»

Несколько лет тому назад в одном из интервью я рассказал о своем разговоре с высокопоставленным партработником советского периода, который симпатизировал нам. Это было в году 1977-м или 78-м. Мы говорили об очередном обострении взаимоотношений между Абхазией и Грузией и рассуждали о возможном развитии событий в дальнейшем. Я собеседнику задал прямо вопрос, сможем ли мы решить волнующие нас проблемы в случае открытого противостояния, а возможно, и вооруженного столкновения. Он сказал, что успешное решение наших проблем возможно только при одном условии — если у нас появится руководитель, в которого поверит народ, и он сможет оправдать возложенную на него ответственность. Это было, как я уже сказал, в 1977-м или 78-м году, когда о Владиславе Григорьевиче Ардзинба мало кто знал. На поверхности находились те, которых принято было тогда называть партийно-хозяйственным активом. Партийный работник, с которым я разговаривал, знал их всех хорошо и заявил, что никто из них не способен решить наши проблемы.

А в 1989 году свершилось как бы чудо: появился Владислав Ардзинба. Я его к тому времени неплохо знал, но в моем представлении это был кабинетный ученый высочайшего уровня. И мне казалось, что он не может быть лидером народа со своими мечтами и амбициями. В моем представлении лидером мог быть человек высокого интеллекта, мужественный, патриот, способный на самопожертвование. Что касается интеллекта, то для меня это было очевидно, а вот в качестве государственного деятеля я сомневался. Так или иначе, мы обсуждали вопрос о возможном его вхождении в политику. Я не раз себе задавал вопрос: не произойдет ли так, что мы потеряем выдающегося ученого, а взамен получим плохого политика. Этот вопрос я также задавал ему.

В связи с этим я расскажу об одном эпизоде. Когда мы работали над известным выступлением Владислава на съезде народных депутатов в Москве, мы как-то отвлеклись, и я по-абхазски сказал ему: «Если ты мне скажешь, чтобы то, что сейчас пишем, я прочитал с трибуны, то я свалюсь по дороге к этой трибуне и умру». А Владислав без тени сомнения, также

по-абхазски: «Ты делай то, что делаешь, а я — увидишь, как исполню». Это говорит о том, что он во всех отношениях был мужественным человеком.

Жизнь как будто специально подводила Владислава к вхождению в политику.

В 1988 году умер наш выдающийся ученый Георгий Алексеевич Дзидзария, директор АБНИИ, единственного в мире института абхазоведения и одновременно негласного штаба национально-освободительного движения. После долгих обсуждений среди научной интеллигенции Владислав Ардзинба был назначен директором института. При этом нельзя не напомнить, что решающую роль в этом назначении сыграл тогдашний руководитель Абхазобкома Б.В.Адлейба. Затем Владислав стал депутатом и Председателем Верховного Совета Абхазии, а впоследствии — депутатом Верховного Совета СССР.

С первых же шагов своей деятельности в Абхазии он показал себя зрелым, готовым к выполнению обязанностей как руководителя института, так и национального лидера народа. В течение 2–3 месяцев вокруг него объединились искренние патриоты Абхазии. Народ в него поверил, а он его не подвел. Когда я говорю о народе, то имею в виду тех людей, а их было большинство, которые не преследовали личных амбиций, а их волновало только будущее нашей страны.

Итогом всего этого стало обретение независимости Абхазии. А как все это происходило, он рассказал в своей книге «Владислав Ардзинба. Моя жизнь. 1945–2010». Я прочел её на одном дыхании — не из праздного любопытства, а потому, что она возвращала меня к событиям, к которым и я имел непосредственное отношение.

В своём содержательном и красочном послесловии Владимир Зантария назвал эту книгу «Исповедью лидера». На мой взгляд, это не исповедь. Все, что нужно о своей деятельности, он рассказал, и ему скрывать было нечего. Это — книга размышлений о жизненном пути Владислава, борьбе народа Абхазии за независимость и трудностях, через которые ему вместе с народом пришлось пройти. Единственное, он как мудрый человек не стал говорить о своих разочарованиях. Свидетельством этого является врезавшийся мне в память абзац в главе «От автора»: «К величайшему сожалению, далеко не все известные мне факты и события могут быть обсуждены на страницах настоящей книги. Здесь не может действовать фактор времени. Чем выкручиваться, лучше прямо сказать, что многое я оставляю без обсуждения, без комментариев. С моей точки зрения, это я должен унести с собой».

Эта фраза, свидетельствующая о бережном отношении к окружающим его людям, направлена на будущее, чтобы не дать возможности ненужного раскола, а дать возможность работать на благо Абхазии.

Теперь о книге. На мой взгляд, составители удачно назвали её главы, что позволило полнее рассказать о различных периодах жизни В.Ардзинба. В главе, связанной с детством, он тепло рассказывает о родителях, родственниках, близких и окружавших его людях, проявив в этом свои человеческие качества.

Он с любовью и благодарностью отзывается о годах учебы в Сухумском пединституте, о первых научных руководителях — Георгии Дзидзария, Шалве Инал-ипа, фактически определивших его путь в большую науку. Затем он переходит ко времени учебы в аспирантуре в Институте востоковедения АН СССР и работе в нем, где смог пройти путь от аспиранта до доктора исторических наук, заведующего отделом института. Институт востоковедения — это не простой институт, в нем работали и работают выдающиеся ученые, академики Виталий Наумкин, Михаил Коростовцев, Борганд-Леви, Михаил Пиотровский, Сергей Старостин, Ростислав Рыбаков и многие другие.

С 1988 года и до последних дней жизни (2010) Владислав Ардзинба работал в Абхазии. Став директором АбНИИ, он сразу же поднял актуальные исторические проблемы. В анализируемой книге подробно описывается работа над учебником по истории Абхазии, свободным от влияния грузинских ученых, искажавших историю нашего народа и государственности. Затем по его инициативе были опубликованы материалы о переселенческой политике, нацеленной на изменение демографической ситуации в Абхазии для уменьшения удельного веса автохтонного народа.

В этот же период, в марте 1989 года, на исторической Лыхненской поляне состоялся сход, одним из организаторов которого был Владислав Григорьевич Ардзинба. На нём при участии около 40 тысяч граждан Абхазии было подписано Обращение в ЦК КПСС о выходе из состава Грузинской ССР. И что очень важно, первым подписантом Обращения был тогдашний руководитель Абхазии — 1-й секретарь обкома партии Б.В.Адлейба. Такого в истории Советского Союза не было.

Это Обращение привело к активизации антиабхазских выступлений в Грузии. Надо сказать, что по времени всё это совпало с началом процесса распада Союза, попыток Грузии выйти из состава СССР, прихватив заодно и Абхазию.

Немало места в книге уделено деятельности Народного форума Абхазии. От себя добавлю, что многое из того, о чем говорилось на заседаниях Форума, не сохранилось. Но при составлении соответствующих документов я использовал здравые высказывания участников собраний Форума, на которых почти всегда присутствовал. Эти высказывания, облаченные в правовую форму, вошли в соответствующие документы. Этим хочу подчеркнуть, что в тот период Форум совместно с АбНИИ и Абхазским музеем стал штабом национально-освободительного движения.

**В. Г. Ардзинба и А. С. Керопян.
Работа над книгой воспоминаний «Моя жизнь»**

Не могу не отметить, что на заседаниях Форума разумную линию вел тогдашний секретарь Президиума Верховного Совета Абхазии Юрий Тариелович Квициния.

Как настоящий научный работник Владислав в книге анализирует выступления представителей различных грузинских партий и движений, а также появившихся, как грибы после дождя, грузинских псевдоученых, которые пытались по-своему интерпретировать исторические события. Можно только восхищаться, как умело и аргументированно Владислав опровергал все их доводы, о чем он рассказал в книге.

В книге также довольно подробно и убедительно сказано о том, как Владислав Григорьевич боролся за предоставление ему возможности выступить с трибуны съезда, и через какие препятствия ему пришлось пройти, поэтому нет необходимости повторять это. Единственное, что отмечу, — это то, что в этом выступлении были использованы фрагменты выступлений предыдущих деятелей, боровшихся за сохранение Абхазии, её государственности и этнической самостоятельности. Это в первую очередь Аслан Тамшугович Отырба и Архип Миронович Лабахуа.

После этого выступления Владислав Григорьевич Ардзинба стал популярен не только в Абхазии, но и в Москве, и не только среди политических деятелей, но и простых людей, чему я являюсь очевидцем. При появлении его в общественных местах собиралось много людей, желавших непосредственно его увидеть.

Немало страниц в книге посвящено столкновениям 15–16 июля 1989 года. Владислав Григорьевич описывает, как он сумел добиться от властей Советского Союза предотвращения распространения данного конфликта.

Как я уже писал выше, жизнь сама подвела его к руководству республикой. Сложность заключалась и в том, что без голосов грузинских депутатов он не мог быть избран на должность Председателя Верховного Совета Абхазии. И в книге Владислав Григорьевич рассказывает о переговорах с представителями местных политических сил Грузии об условиях возможного избрания его на эту должность. Переговоры проходили на квартире у Бориса Викторовича Адлейба, и в них принимали участие с абхазской стороны, помимо хозяина квартиры, Владислав Григорьевич и я. С грузинской стороны — Оманидзе, Мгалоблишвили, Лордкипанидзе (представители провластной грузинской партии «Круглый стол»). Переговоры проходили в два этапа. Вначале грузинские представители дали согласие на избрание Владислава на должность Председателя Верховного Совета Абхазии. Но после этого Ардзинба заявил, что он не собирается быть декоративной фигурой, что у него должна быть депутатская фракция, с помощью которой он сможет решить те вопросы, которые нужны Абхазии. И что при нынешнем составе он не сможет этого сделать.

И было решено подготовить новый закон о выборах депутатов Верховного Совета Абхазии, который дал бы определенные преимущества депутатам абхазской национальности. Вариантов было много. Но мы с Владиславом Григорьевичем, как нам казалось, подготовили на вид очень простой, но хитроумный план: дать абхазской фракции небольшое численное преимущество. Грузины ни в какую не хотели этого делать. Но Владислав сумел убедить их, что хозяином положения в Абхазии является он, и что на иной вариант он не согласится.

Принятие этого закона о выборах депутатов, который впоследствии стали называть квотным законом, дал возможность сохранить абхазскую государственность. Без него в Верховном Совете мы получили бы 10–15% абхазов. И тогда кто бы ни был во главе Верховного Совета, он не смог бы, повторюсь, сохранить нашу государственность. Спустя два года после принятия этого закона парламент Грузии, рассмотрев его, назвал законом об апартеиде грузин в Абхазии. Благодаря этому закону нами была достигнута политико-правовая победа, явившаяся первым шагом к обретению независимости.

Показательным в этом смысле является его взаимоотношение с тогдашним вице-спикером грузинского парламента Бурчуладзе. Владислав Григорьевич два дня держал его в приемной и не принимал. Представители Грузии неоднократно обращались ко мне, говоря, что Бурчуладзе все-таки является вице-спикером парламента и нельзя его держать в прием-

ной. Владислав мне говорил: пусть привыкают, что мы с ними на равных. Это привело к тому, что остальные члены грузинской делегации считали за благо попасть к нему на прием. И со страхом заходили к нему в кабинет, побаивались спорить с ним.

По нашей обоюдной договоренности я постоянно смягчал условия, выдвигаемые Владиславом, и они считали, что все-таки чего-то добились. Хотя нами это было запланировано. Об этом пишет Владислав Григорьевич.

В формате этой статьи невозможно дать оценку всем событиям, описываемым в книге. Поэтому постараюсь очень коротко рассказать о двух важных периодах, о которых сказано и в книге. Это проведение 17 марта 1991 года референдума, в соответствии с решением Верховного Совета СССР, о сохранении Союза. Грузия отказалась проводить референдум. Абхазия же независимо от Грузии, в соответствии с Законом СССР от 3 апреля 1990 года, решила самостоятельно принять в нем участие. Грузия в лице тогдашнего её руководителя Звиада Константиновича Гамсахурдия заявила о том, что люди, принимающие участие в этом референдуме, будут лишены земли и наказаны в уголовном порядке.

В книге приводится письмо В.Ардзинба к Гамсахурдия от 15 марта 1991 года, в котором было сказано, что участие в референдуме является неотъемлемым правом граждан Абхазии и что запугивание ни к чему не приведет.

Референдум был проведен, и в этом наиболее важную роль сыграли Энвер Эрастович Капба и Константин Константинович Озган. Референдум проходил чуть ли не в условиях военного времени. Людей запугивали, а население Галского района вообще не приняло в нем участия. И это было большой ошибкой грузинских властей, что было использовано нами. Несмотря на запугивания, 52% граждан Абхазии, имевших право голосования, пришли к урнам, и 99% из них высказались за сохранение Советского Союза.

Власти Грузии, желая продемонстрировать намерение выполнить свои угрозы по отношению к организаторам и участникам референдума, попытались привлечь их к уголовной ответственности и в первую очередь официального руководителя штаба по проведению референдума Энвера Эрастовича Капба. Нельзя не отметить его мужества, потому что все могло плохо кончиться. К счастью, Гамсахурдия и его подручным не удалось выполнить свои угрозы. Одновременно с этим властями Грузии были предприняты и попытки изъять бюллетени голосовавших, однако Константин Озган принял меры по сокрытию и отправлению их в Москву через Гудауту.

Итоги референдума в Абхазии попали в общесоюзные показатели и

были учтены центральным штабом. Обо всем этом Владислав подробно рассказывает в книге, и это очень важная её часть.

5-я глава книги посвящена работе Ардзинба в Верховном Совете СССР. Он пишет, что из всех депутатов-абхазцев ему помогал только ткуарчалский горняк Руслан Аршба. Остальные депутаты и многие представители руководства Абхазии занимали выжидательную позицию, о чем сказал автор в своем предисловии. А в Верховном Совете СССР в это время шла очень сильная борьба. Я находился там и видел, как Владислав Григорьевич превращается из историка-востоковеда в человека, разбирающегося в государственно-правовых вопросах и, более того, сам начинал предлагать варианты тех или иных решений, расширяющих права автономий. В тот период ему очень помогал один из крупных советских юристов — Юрий Хамзатович Калмыков, заместитель, а затем председатель Комитета по конституционному законодательству, а также Саламбек Наирович Хаджиев, депутат Верховного Совета СССР, выдающийся ученый, академик, в дальнейшем член Академии наук РСФСР.

На первых порах я не знал о его взаимоотношениях с Калмыковым, но Владислав постоянно показывал мне проекты предполагаемых законов, которые неизвестно откуда получал. Я как-то его спросил, откуда он берет проекты. Ответил, что дает их Калмыков (это происходило тайно ото всех). Эту фамилию я знал как фамилию одного из персонажей «Тихого Дона» и считал, что он либо русский, либо казак. Владислав объяснил, что Юрий Калмыков черкес, а по матери абазин. После он и нас познакомил, и у меня уже были с ним прямые контакты.

Что касается Хаджиева, то он был блестящий оратор и полемист, и по многим эпизодам они выступали совместно с Владиславом.

Третий помощник, кого я мог бы назвать, — это известный калмыцкий поэт, руководитель подкомитета малых народов Давид Никитич Кугультинов, который очень верил Владиславу, поддерживал его, помогал решать предлагаемые Владиславом организационные вопросы. Благодаря этому Верховным Советом СССР были приняты законы, по существу приравнивающие автономные республики к союзным, в том числе с предостережением, при определенных условиях, права выхода из состава союзной республики. И обо всем этом также интересно рассказывается Владиславом в книге.

Очень подробно в книге Владислава Ардзинба рассказывается о периоде начала войны с Грузией и о самой войне. Кое-кто пытается чуть ли не обвинить Владислава в сознательных действиях, приведших к войне. В книге говорится и о переговорах с властями Грузии, руководителями силовых структур. Однако руководство Грузии не делало никаких шагов во избежание военных действий. В июле 1992 года Владислав Григорьевич направил меня в Тбилиси для ведения переговоров с Шеварднадзе

о мирном разрешении конфликтной ситуации. В разговоре со мной Шеварднадзе поддержал мои предложения о стабилизации обстановки, и мы договорились, что в ближайшие дни представители Абхазии и Грузии примут соответствующие меры.

Домой я возвращался поездом и, приехав в Сухум, узнал, что Госсовет, не помню, кто подписывал, принял решение о передаче 25-километровой прибрежной полосы Абхазии в ведение министерства обороны Грузии. Этим решением Госсовет фактически попытался взять на себя функции руководства Абхазией.

Затем Шеварднадзе выступил публично о том, что на территории Грузии — от реки Псоу до Красного моста, расположенного на стыке Грузии, Армении и Азербайджана, будет наведен конституционный порядок. После этих действий грузинские вооруженные формирования двинулись по направлению к Абхазии.

Владислав Григорьевич пишет в книге о своем телефонном разговоре с Шеварднадзе, состоявшемся 13 августа 1992 года. В это время грузинские войска находились в Мегрелии, на границе с Абхазией. Я присутствовал при этом разговоре, во время которого Владислав высказал опасения, что грузинские вооруженные формирования пересекут границу Абхазии. Сказанное им дословно звучало так: «Христом Богом прошу вас не вводить грузинские формирования в Абхазию. Поверьте, ничего хорошего из этого не получится».

Шеварднадзе ответил, что вводить войска не будут, а утром 14 августа грузинские вооруженные формирования вошли на территорию Абхазии. Многие тогда растерялись. А Владислав Григорьевич выступил по телевидению и призвал народ к борьбе.

Во время войны из представителей так называемой элиты его активно поддерживал Сергей Шамба.

Особо следует отметить эпизод, связанный с переговорами 3 сентября 1992 года. Эта встреча в Москве откладывалась несколько раз. Ельцин не мог определить свое отношение к войне между Абхазией и Грузией. Юрий Владимирович Скоков, который в то время был секретарем Совбеза России, как-то мне сказал: «У Ельцина нет своего отношения к любым событиям. Все зависит от того, кто к нему раньше придет и доложит». Подтверждением этому является его заявление после начала войны с Грузией о том, что ни один российский солдат не поедет в Абхазию. А спустя некоторое время Россия создала в Гудауте (Бамбора) оперативную группировку, которая в общем-то охраняла небо Абхазии. Именно такое отношение к конфликту проявилось в переносе дат встречи между руководством Абхазии и Грузии. И когда наши недоброжелатели пришли к выводу, что наведение конституционного порядка, как говорил Шеварднадзе, не завершится в течение недели, а именно этот срок он согласо-

вал с Ельциным, и не будет легкой прогулки, было определено назначить встречу на 3 сентября.

На этой встрече предполагалось присутствие представителей республик Российской Федерации. Владислав Григорьевич надеялся, что они поддержат нас в процессе переговоров. К сожалению, это не оправдалось. Мы попросили до 3 сентября организовать рабочую встречу представителей Абхазии с руководством МИДа России, чтобы обсудить готовящийся к подписанию документ. Почти всю ночь мы работали над этим документом и вроде бы согласовали его. А утром 3 сентября был представлен первоначальный вариант. О содержании этого документа много писалось, поэтому я не буду рассказывать о нем. Но хочу поделиться душевным состоянием Владислава Григорьевича. Он понимал, что этот документ ущемляет наши интересы, поэтому он обдумывал, что хуже: подписывать или не подписывать его. Поддержки от представителей российских республик мы не получили, и если бы мы не подписали, они и помощи нам бы не стали оказывать.

Перед подписанием был объявлен небольшой перерыв, во время которого Владислав Григорьевич, Георгий Колбая и я сидели и обсуждали все за и против. Я как мог пытался убедить Владислава, что нельзя не подписать документ, но я думаю, что он не сохранится. Судьба Абхазии будет решаться на месте теми людьми, которые с оружием в руках защищают её. И вдруг Владислав неожиданно мне сказал: «Знаешь, о чем я сейчас думаю? Зачем меня мама родила?».

Не знаю, оправдано это было или нет, но я напомнил о подписанном по инициативе Ленина Брестском мире. На момент подписания он был не выгоден России, но в итоге помог сохранить государство.

Все остальное, что произошло после подписания 3 сентября, общеизвестно.

Война показала, что абсолютно гражданский человек благодаря своему незаурядному уму очень быстро превратился в настоящего военачальника — Главнокомандующего. Полевые командиры и непосредственные участники боевых действий искренне говорили о Владиславе как о своем Верховнокомандующем, потому что это было на самом деле так.

В своей книге Владислав Григорьевич подробно рассказал о разработке различных операций, о своих переживаниях в связи с гибелью близких ему людей.

Я думаю, что он поступил очень мудро, что не рассказал в книге о том противостоянии, которое было у него со многими известными в Абхазии людьми. Сила Владислава была в том, что в него верил народ, а народ — это те люди, которые без личных амбиций, в меру своих сил и возможностей готовы с оружием в руках защищать Родину. Вера этих людей во Владислава дала ему возможность довести войну до Победы. Многие

упаднические настроения удалось избежать благодаря железной и непоколебимой воле Владислава Ардзинба.

Не менее трудным оказалось послевоенное время. Страна была полностью разрушена. Люди понимали, что надо все выдержать, а те, кого называли бюджетниками, работали за кусок хлеба. Это было наглядным проявлением патриотизма нашего народа.

Не проще была международная обстановка вокруг Абхазии. Мы были для многих незаконнорожденным явлением. Единственное, на что могли надеяться, — это поддержка России. Но и поддержка России была неоднозначной. В России действовали разные силы, и были те, кто не желал обретения Абхазией независимости. Но простые люди искренне сочувствовали нам. Мне уже неоднократно приходилось об этом говорить: Россия была для нас надежным тылом.

Большую политическую и моральную поддержку оказывали нам Российский Парламент и многие высшие военные руководители, а также руководители автономий, с которыми Владислав завязал дружеские отношения во время работы в Парламенте (Верховном Совете). Я являюсь очевидцем того, как они уважительно относились к нему, часто собирались у него в номере гостиницы «Москва» и обсуждали различные вопросы. И после войны они, став руководителями республик, поддерживали нас.

Немаловажную роль на начальном этапе международного признания сыграло Заявление «О мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта от 4 апреля 1994 года». Это Заявление рождалось с большим трудом. Грузия не хотела его подписывать. Да и Владислав побаивался того, не попадем ли мы в ловушку, потому что оно было составлено не прямолинейно, в нем были некоторые положения, которые якобы отрицали возможность обретения нами независимости. Одновременно с этим Заявлением разрабатывалось и четырехстороннее Соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц. В этом Соглашении также содержались пункты, которые можно было толковать двояко. Но главным в нем было то, что осложнялся процесс возвращения беженцев и перемещенных лиц.

Над этими документами нам с Владиславом Григорьевичем пришлось очень много работать. Не могу не вспомнить один эпизод. Эти оба документа должны были быть подписаны 4 апреля. Преодолев все сложности переговорного процесса, 2 апреля мы согласовали тексты, а 3 апреля я должен был их завизировать. Прочитав представленный 3 апреля текст Заявления, я увидел, что в нем отсутствует положение, дающее возможность утверждать о нашем праве на обретение независимости. Я заявил об этом представителям МИДа России, которые, не споря со мной, вне-

сли нужные положения и восстановили согласованный вариант, который должен был быть официально подписан.

Несмотря на это, Владислав Григорьевич сомневался в выгодности этого текста, и мы всю ночь с ним по телефону обговаривали его. Владислав Григорьевич говорил мне, что, может быть, откажемся от подписания, хотя 4 апреля Заявление должно было быть подписано. Подписание должно было состояться на самом высоком уровне в Москве, в Доме приемов МИДа РФ, в присутствии Генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса Гали. В процессе разговора я ему сказал, что без его согласия мы не можем что-то подписывать, и если он не даст согласия, я не собираюсь позориться, так как в этом документе позицию абхазской стороны разрабатывал я. И буду вынужден уйти в отставку. У Владислава была привычка: в тех случаях, когда он хотел смягчить ситуацию, он обращался к собеседнику со словом «старик». И это был единственный случай, если я не ошибаюсь, когда он обратился ко мне с этим словом. Он сказал: «Старик, но я же волнуюсь!» Я ответил: «Я не меньше тебя волнуюсь. Но у меня нет никаких сомнений, что этот документ будет работать в наших интересах».

При этом отмечу, что эти два документа — Заявление и Соглашение — разрабатывались в два этапа. Часть их разрабатывалась в Нью-Йорке, а другая часть — в Москве, и в их разработке очень помог выдающийся российский дипломат Юлий Воронцов, постоянный представитель РФ в ООН.

Заявлением о мерах по политическому урегулированию мы настолько запутали ООНовских дипломатов, что в одном из своих докладов они записали, что Республики Грузия, в состав которой входила Абхазия, уже не существует, и надо вести переговоры о её возможном восстановлении. В результате правильно построенной дипломатической деятельности мы

пришли к признанию нашей независимости. Но нельзя забывать, что решающую роль в этом деле сыграла Российская Федерация.

Заключительные страницы книги я бы отнес к важным внутренним проблемам, но не являющимся судьбоносными. Желающие могут сами прочесть об этом в книге. В целом же это очень важный исторический первоисточник, который надо всем патриотам Абхазии не только читать, но и изучать. Это своего рода школа борьбы за сохранение этнической самоидентичности, создание и сохранение своего государства. В ней Владислав раскрыл себя и как человек, и как государственный деятель.

В завершение этой публикации хочу отметить, что Владислав знал, на что идет, не исключал, что за это ему придется расплачиваться своей жизнью. Но главным для него были независимость Абхазии и сохранение нашего народа.

В последние дни его жизни я часто бывал у него и видел, как он мужественно созерцал свое угасание. Когда ему предлагали различные варианты лечения, он их выслушивал спокойно, а в заключение говорил, что результат будет такой же — прежний.

Меня восхищало, как хладнокровно Владислав ждет, что в ближайшее время уйдет из жизни, как он давал указания, где его хоронить, как хоронить, как разделить остающееся после него имущество. В то же время он продолжал работать над этой книгой и высказывал какие-то мысли и пожелания. Несмотря на то что он физически разрушался, его мощный интеллект сохранялся. Речь его была затруднена, и трудно было её понять. У супруги получалось лучше, и мы общими усилиями фиксировали высказываемые им мысли. Тогда же шла речь и о названии книги, которое он сам придумал. Единственное, что было добавлено в названии, — это время ухода из жизни.

И последнее. Как-то в один из моих приходов к нему, а это происходило в Москве, я в форме тоста сказал: «Бессмертных людей не бывает. Кто-то уходит раньше, кто-то — позже. Но ты можешь смело сказать, что жизнь прожита не зря. Ты стал выдающимся ученым, всемирно известным государственным деятелем, успешным Главнокомандующим и основателем независимого Абхазского государства».

Это было нашим прощанием. И было незадолго до его ухода из жизни.

Никогда ни до этого, ни после этого я хвалебных слов в отношении Владислава в его присутствии не произносил.

(Публикацию подготовила Заира Цвижба)

МИНТИМЕР ШАЙМИЕВ, ЭТОТ МУДРЫЙ ЧЕЛОВЕК

В год 25-летия Победы в Отечественной войне народа Абхазии, когда мы вновь и вновь вспоминаем тех, кто в невероятных условиях и ценой жизни добывал эту Победу, неправильно будет обойти вниманием тех, кто помогал Абхазии морально и материально, поддерживал её в высших эшелонах советской власти, в различных политических кругах. Таких людей, к счастью, было много. Конечно, рассказать обо всех, да и найти необходимую информацию по истечении большого отрезка времени сложно. Тем не менее наша газета решила начать публиковать цикл материалов о таких людях. И мы приглашаем к разговору всех, кто может поделиться с нами своими воспоминаниями.

А сегодня мы начинаем с материала о Президенте Татарстана Минтимере Шариповиче ШАЙМИЕВЕ, который был одним из крупнейших российских лидеров начала 90-х годов прошлого века, когда решалась судьба Абхазии, и в последующие годы. Воспоминания бывшего советника, личного представителя Владислава Ардзинба и Генерального прокурора Абхазии Анри Джергеня — первая часть нашей публикации о Минтимере Шаймиеве. Впрочем, его воспоминания — не только о лидере Татарстана и России, но и других личностях, которые не стояли в стороне от судьбы Абхазии.

С Минтимером Шаймиевым я познакомился в 1990 году, когда он еще был первым секретарем обкома партии Татарстана. Чуть позже, в том же году, он стал председателем Верховного Совета Республики Татарстан. Шаймиев являлся одновременно депутатом Верховного Совета СССР. И Владислав Ардзинба был депутатом, а я вместе с ним месяцами находился в Москве. Владислав с первых же месяцев завоевал авторитет как лидер среди руководителей национальных образований Советского Союза. И они очень часто приходили к нему в номер, в том числе приходил и Шаймиев, и руководитель Башкирии Муртаза Рахимов, и руководители северокавказских республик. Шаймиев сочувствовал Владиславу, который боролся за суверенитет, независимость Абхазии. Будучи на разных должностях, и потом, когда в июне 1991 года стал президентом Татарстана, Шаймиев по мере возможности оказывал политическую и материальную поддержку Абхазии. Владислав его очень уважал и советовался с ним.

Надо сказать, что не только Шаймиев, но и практически все руководи-

тели автономных республик, областей, округов группировались вокруг Владислава, хотя председателем подкомитета национальных образований в Верховном Совете официально тогда был калмыцкий поэт Давид Кугультинов.

В ту пору по инициативе Владислава Ардзинба было внесено много изменений в Конституцию Советского Союза, которые по существу в правовом отношении приравнивали Абхазию и другие автономные образования к союзным республикам. И при решении этих вопросов Владиславу очень сильно помогали все руководители национальных образований, потому что это была общая проблема. Принятый закон о выходе из состава СССР национальных республик, в составе которых находились автономные образования, мы в дальнейшем и использовали при решении вопросов, связанных с политико-правовым размежеванием Абхазии и Грузии.

Когда познакомился с Шаймиевым, я увидел в нем человека, который хорошо знает экономику, ориентируется в политических вопросах, всесторонне развит, увидел деятеля высокого политического уровня. Когда в России возникла опасность распада, он и другие по-государственному думающие лидеры создавали общественно-политические объединения: «Единство» — Сергей Шойгу, «Отечество» — Юрий Лужков, «Вся Россия» — Минтимер Шаймиев. Эти же лидеры вместе с Евгением Примаковым создали и единую организацию — «Отечество — вся Россия». Позже все эти организации слились в партию «Единая Россия» — нынешняя

партия власти. То есть Шаймиев был одной из стержневых фигур, одним из тех лидеров России, кто сохранил Российскую Федерацию. Как один из региональных лидеров, он пользовался большим авторитетом. И это для нас было важно, что он и другие руководители автономных образований с большим уважением относились к Владиславу Ардзинба и его идеям.

Такая политическая поддержка лидеров дала многое Абхазии. Владислав от этого крепче и уверенней себя чувствовал. Сейчас, когда я начинаю думать, удивляюсь тому, как мы могли вообще рискнуть пойти по этому пути. Мы не представляли, как это трудно, как это сложно и сколько надо было сделать, пережить. Но у Владислава была твердая и постоянная позиция, была вера. Он все время говорил: «Мы выиграем и все свои дела решим».

В Абхазии было небольшое количество сомневающихся в реальности решения вопроса о нашей независимости. Но Владислава поддерживала основная масса народа Абхазии, и в этом была его сила. И конечно, он чувствовал себя уверенней, зная о поддержке руководителей национальных образований Российской Федерации.

3 сентября 1992 года ельцинское руководство вынудило нас подписать не очень выгодное для нас Соглашение. Но Владислав как мудрый политик понимал, что это Соглашение не сохранится. Так оно и произошло. Ситуация поменялась, и конечно же, нам и в дальнейшем помогли Татария, Башкирия, Адыгея, Кабарда. Очень активно действовал губернатор Краснодарского края Николай Кондратенко. Помню, как адыгейский лидер Аслан Джаримов искренне переживал, сможем ли отстоять свои позиции, когда вели первые переговоры с грузинской делегацией в Майкопе. Он, находясь в соседнем кабинете, внимательно следил за ходом переговоров и во время перерывов давал нам ценные советы. Такие лидеры субъектов, как Шаймиев, Коков, Спиридонов и другие очень многое для нас сделали.

Кроме всего прочего, авторитет Владислава Григорьевича Ардзинба был основан на том, что он активно боролся за сохранение Советского Союза. Многие политические деятели, военные, сотрудники министерства иностранных дел, да просто патриоты переживали по поводу того, что происходит в России — шел развал Союза, а за ним становился возможным и развал России. Во Владиславе они видели активного политика, выступавшего за сохранение СССР и России. Он выступал против вывода войск ПВО из Абхазии, которые охраняли здесь подступы к СССР — осуществляли контроль в странах Ближнего и Среднего Востока. Владислав также выступал за сохранение российских пограничных формирований в Абхазии. В этой связи нельзя не вспомнить одного из образованнейших деятелей российского государства Юрия Скокова, который был секретарем

рем Совета безопасности России и занимался абхазскими вопросами. Он расценивал наши позиции как борьбу за сохранение и укрепление России. Через него мы вышли на многих военных, на российский генералитет, из которых кое-кто даже и пострадал — наказывали за поддержку Абхазии. Но все-таки в тех кругах считали, я повторюсь, что мы воюем за сохранение государства, и это было правдой. Так получилось, что президентская власть того периода в России была в основном против нас, а депутаты Парламента (Верховный Совет) нас поддерживали и принимали многие решения, которые укрепляли наши действия, помогали нам. И одним из них был, конечно же, Минтимер Шаймиев, этот мудрый человек.

Я с ним встречался и после окончания войны, во время свой поездки в Татарстан.

(Записала Заира Цвижба)

БАБУРИН ПЕРВЫМ НАС ПУБЛИЧНО ПОДДЕРЖАЛ

18 марта 2018 года, то есть в предстоящее воскресенье, пройдут выборы Президента Российской Федерации. Граждане Абхазии, имеющие второе российское гражданство, примут в них самое активное участие. Участие будет не показное, а искреннее. Потому что мы все любим Россию, нам небезразлично, что в ней происходит, кто ею управляет. Мы знаем, что и в России есть политики и простые граждане, кто к нам также искренне относится. Именно они помогли нам выстоять в тяжелые годы войны и в блокадные дни, во время политической изоляции. Мы благодарны тем, кто признал добытые ценой многих жизней наши суверенитет, нашу независимость, заключил с нами партнерские отношения, подписал многие и многие соглашения, оказывает сегодня всестороннюю поддержку во всех сферах нашей жизни. Естественно, что симпатии у большинства нашего населения на стороне нынешнего лидера России Владимира Путина, они отдадут за него свои голоса на президентских выборах в воскресенье. Но думаю, что найдется немало и таких, кто отдаст свой голос и за другого кандидата в Президенты России — Сергея Бабурина. Сергей Николаевич является одним из тех людей в высоких общественных, политических и законодательных кругах России, кто помогал Абхазии выстоять, победить в национально-освободительной борьбе и в войне с Грузией. Многие его в Абхазии хорошо знают, наши политики и законодатели не раз встречались с ним и решали проблемы страны. Я сама лично вскоре после окончания войны, в один из его приездов в Абхазию, брала интервью для газеты «Республика Абхазия», встречалась с ним также в стенах Госдумы во время приема абхазской делегации группой депутатов. Я знаю о большой его роли в продвижении абхазских вопросов, в их решении. Поэтому сочла нужным, и редакция поддержала, рассказать о Бабурине накануне президентских выборов в России устами людей, которые с ним общались и общаются, хорошо знают о его заслугах перед Абхазией.

Заира Цвижба

АНРИ ДЖЕРГЕНИЯ — бывший советник, личный представитель Владислава Ардзинба и бывший Генеральный прокурор Абхазии:

— Национально-освободительное движение в Абхазии в различных формах длилось долго. Были этапы, когда оно достигало высокого

накала (люди выходили на улицы и площади, выдвигали требования.), потом стихало. Напомню, что очень высокий накал наблюдался в 1978 году. Причиной этого стало то, что руководство Грузии подготовило, под видом распределения трудовых ресурсов в Грузинской ССР, программу переселения до трёх тысяч лиц грузинской национальности в Абхазию. Эта программа была принята постановлением правительства (Совмина) Грузии. Об этом стало известно активистам национально-освободительного движения из Абхазского научно-исследовательского института и Абгосмузея. Тогда же появилось известное «Письмо 130-ти», в котором говорилось о множественных нарушениях прав, свобод и интересов аборигенного населения — абхазов. После «Письма 130-ти» был принят ряд решений по открытию АГУ, телевидения, по кадровым вопросам, которые способствовали разряжению обстановки. Но проблема в целом оставалась.

Потом последовали перестройка, ослабление власти Советского Союза, постепенно приведшие к распаду государства. В конце 80-х годов остро встал вопрос о дальнейшем взаимоотношении Грузии и Абхазии. Грузия была ориентирована на выход из Союза и сближение с США и западными европейскими странами. Мы понимали, что нам с Грузией не по пути, и открыто ставили вопрос о выходе из неё.

Выскажу парадоксальную вещь: если бы Союз сохранился, вряд ли мы смогли выйти из состава Грузии. Но мы пришли к распаду Союза и один на один остались с Грузией. В связи с этим не могу не напомнить о выдающейся роли, которую сыграл Владислав Григорьевич Ардзинба, на мой взгляд, политик мирового уровня, в самоопределении Абхазии. Он на ходу, можно сказать, на марше определял задачи и находил пути их решения. В тот период положительным было то, что значительная часть абхазского народа была готова к борьбе, в том числе и вооруженной. С политико-правовой точки зрения Владислав Григорьевич и его ближайшее окружение сумели переиграть руководство Грузии, которое кроме откровенно шовинистических идей ничего своему народу предложить не могло.

Еще в период нахождения в составе СССР мы сумели добиться принятия не только закона о выходе из СССР национальных республик, в составе которых находились автономные образования, но и принять, по инициативе Владислава Ардзинба, в Верховном Совете Абхазии ряд законов — в первую очередь о переходе к Конституции 1925 года. Мы самостоятельно стали реформировать структуру органов государственной власти Абхазии, и это делали так быстро и скрытно, что в Грузии не понимали, как это нам удается. Они заявляли нам, что будут делать синхронно с нами то же самое, но мы на них не обращали внимания и делали свое

В. Ардзинба и С. Бабурин

дело. В то же время понимали, что все это не может не привести к вооруженному столкновению. На наше счастье, Грузия была слаба и экономически, и в военном отношении. И у нас не было особых возможностей, но народ был един. Мы выиграли войну еще и потому, что для нас она была национально-освободительной, а многим грузинам было непонятно, зачем она нужна им, и они, в основном из Восточной Грузии, старались уклониться от неё.

Мы понимали и то, что без помощи извне, и конечно, без доброжелательной позиции России добиться победы будет трудно. Общеизвестно, что первыми откликнулись на наши проблемы близкородственные народы Северного Кавказа. В Центральной России были свои сложности. Исполнительная власть находилась под большим влиянием США и других западных стран. А вот Российский Парламент тогда еще был прокоммунистическим и постепенно начал нас поддерживать. И первым, кто нас публично поддержал, был Сергей Николаевич Бабурин. Я помню, как воодушевились наши абхазские парламентарии, когда на заседании Владислав Григорьевич зачитал его телеграмму — месяца за два или три до начала войны. Бабурин в телеграмме заявлял о поддержке нашего движения. Депутатам Российского Парламента импонировало, что мы держим курс на сближение с Россией. Это сыграло существенную роль и в сближении со средним и начальствующим составом российского генералитета.

После телеграммы Бабурина, который, кстати, первым, по своей инициативе вышел на нас, мы наладили контакты с ним и поддерживавшими его депутатами. Нас стали приглашать в Парламент Российской Федера-

ции. Кабинет Сергея Николаевича стал для нас символическим штабом, где мы с помощью представителей депутатского корпуса составляли планы совместных действий, а также помогали им в составлении документов в поддержку Абхазии.

Хочу еще раз подчеркнуть: действия Российского Парламента в поддержку Абхазии начались с инициативных шагов Сергея Николаевича Бабурина.

После того как началась война, в 20-х числах августа 1992 года, Бабурин в составе депутатской делегации Российской Федерации приехал в Абхазию, встречался с нами и в последующем оказывал посильную помощь в организации нашего сопротивления. Бабурин и его единомышленники сумели переломить откровенно прогрузинские настроения исполнительной власти Российской Федерации.

И после войны Сергей Николаевич часто приезжал в Абхазию, оказывал помощь в преодолении негативных последствий экономической блокады, введенной против Абхазии. Будучи вице-спикером Российского Парламента, он помогал в разработке правовых документов в нашу поддержку.

Характерно, что он с первых же дней обострения конфликта между Абхазией и Грузией и по сегодняшний день не меняет своего отношения к Абхазии, к нашим проблемам, внимательно следит за тем, что у нас происходит.

ЖИЗНЬ НИКОЛАЯ АКИРТАВА ПРОЛЕТЕЛА ЯРКОЙ КОМЕТОЙ

В этом году, 31 декабря, исполняется 125 лет со дня рождения одного из первых руководителей Абхазии — Николая Николаевича Акиртава, который сыграл большую роль в обретении независимости Советской Социалистической Республикой Абхазия в марте 1921 года.

Когда я в качестве официального представителя Президента Абхазии Владислава Ардзинба занимался межгосударственной деятельностью, то изучал историю 20-х годов прошлого века и нашел в архивах немало материалов о многогранной жизни Акиртава, которые, на мой взгляд, представляют большой интерес для подрастающего поколения Абхазии.

Весь XX век народ Абхазии вынужден был бороться с притязаниями Грузии на подчинение, а впоследствии на полную ликвидацию абхазской государственности. Так было во втором десятилетии, после распада Российской империи, так было в 80 — 90 годах прошлого века. Но борьба за создание независимого Абхазского государства происходила в разных формах. В начале 20-х годов она приобрела форму открытого вооруженного противостояния. И что удивительно — на каждом этапе борьбы наш сравнительно небольшой народ выдвигал из своей среды ярких и мужественных представителей, благодаря которым мы сегодня имеем независимое суверенное государство Республика Абхазия.

Очень драматичными были 20-ые годы. Воспользовавшись распадом Российской империи, руководство так называемой «демократической республики» Грузия попыталось полностью оккупировать Абхазию и ассимилировать наш народ. Именно в тот период появилась целая плеяда революционеров: Ефрем Эшба, Нестор Лакоба, Николай Акиртава, Си-

мон Картозия, Давид Цагурия, Алексей Агрба, Василий Агрба и многие другие. Тем не менее признанными лидерами в этой когорте были Эшба, Лакоба и Акиртава. И если об Эшба и Лакоба нам многое известно, то Николай Николаевич Акиртава оказался как бы в тени этих выдающихся деятелей, а он сделал немало. И в определенные периоды, в отсутствие Эшба и Лакоба, был фактически руководителем национально-освободительного движения, был первым руководителем, который во главе киаразовцев и российских войск вошел в столицу Абхазии Сухум и водрузил знамя в ознаменование освобождения нашего народа от ига грузинских меньшевиков. Известный факт: в начале 20-х годов Николай Акиртава находился в Краснодарском крае, в том числе и в Сочи, руководил подготовкой установления Советской власти в Абхазии и созданием Абхазского государства.

Мне запомнился разговор на одном из круглых столов, когда мои оппоненты стали утверждать, что в 1921 году партийные бюрократы не смогли отстоять независимость Абхазии, объявленную 31 марта 1921 года и признанную Ревкомом Грузии (высший законодательный и исполнительный орган государственной власти Грузии).

В тот период Абхазией руководил Ревком, председателем которого являлся Эшба, а членами Ревкома были Лакоба и Акиртава. Это те люди, которые с оружием в руках боролись за создание независимого Абхазского государства. И говорить о них как о простых партийных бюрократах — оскорбительно.

Как я сказал выше, одним из членов высшего руководства Абхазии являлся Николай Николаевич Акиртава, которому в ближайшее время исполняется 125 лет. И нам кажется несправедливым, что до последнего времени достойно не отражена роль этого человека в истории Абхазии. В Сухуме до сих пор нет даже памятника ему. Мне на днях рассказали, что Политсовет Компартии Республики Абхазия за подписью его Председателя Льва Шамба обратился недавно с официальным письмом к Премьер-министру РА Валерию Бганба с предложением установить в Сухуме памятник Николаю Акиртава, и что над созданием памятника по поручению правительства работает скульптор Виталий Джения. Хотелось бы надеяться, что памятник подоспеет к юбилейной дате видного руководителя Абхазии.

Н.Акиртава был политическим и государственным деятелем не только Абхазии, но и общесоюзного масштаба. И это неудивительно. Он был хорошо образован. Учился в Ставропольской гимназии, считавшейся одним из лучших средних учебных заведений России, затем был переведен в Кутаисскую классическую гимназию, которую успешно окончил в 1913 году. После он поступил на юридический факультет Харьковского универси-

тета, одного из старейших университетов Восточной Европы. Именно в тот период в этом университете была создана довольно сильная студенческая революционная организация, и в её состав входили наши известные впоследствии деятели партии большевиков Н. Лакоба, С. Картозия, И. Маргания. Сокурсником, а затем и одним из преподавателей Николая был В. И. Межлаук, впоследствии известный народный комиссар и заместитель председателя СНК СССР. Акиртава довольно быстро включился в революционную борьбу и уже в 1914 году, в 20-летнем возрасте, вступил в ряды партии большевиков, из которой его позже — в сталинско-бериевские времена — исключат. В 1916 году его арестовывают, правда, ненадолго, за революционную пропаганду.

В 1917 году Акиртава принимал участие в установлении Советской власти в Харькове. После образования в феврале 1918 года Донецко-Криворожской Советской Республики работал следователем в Главном управлении по борьбе с контрреволюцией, сохранил должность и после вхождения ДКСР в созданную в марте 1918 года Украинскую Советскую Социалистическую Республику. Впрочем, Николай Акиртава долгие годы принимал участие и в борьбе за создание Украинской ССР. В связи с наступлением немецко-австрийских войск в апреле 1918 года вместе с правительством Украинской Социалистической Республики Николай Акиртава переехал в Луганск. Здесь он вступил в 5-ю армию К.Ворошилова и, вместе с ней отступив за Волгу, принял участие в знаменитой обороне Царицына.

В сентябре 1918 года Акиртава был контужен, демобилизован по ранению и направлен обратно в Харьков, где он работал в военно-окружном комиссариате, командовал частями особого назначения, а с декабря 1918-го руководил агитационно-просветительным отделом правительства Украины.

Позже он вел подпольную работу в меньшевистской Грузии, сидел в тюрьме. Принимал участие в работе первого съезда народов Востока в Баку в августе 1920 года и входил в состав его президиума.

Являясь членом Ревкома Абхазии, Николай Акиртава не был простым исполнителем коллективных решений, и как показала жизнь, он был способен принимать самостоятельные решения и руководить их реализацией.

Вместе с Эшба и Лакоба, Николай Акиртава подписывал первое обращение Ревкома и Оргбюро РКП(б) Абхазии от 26 марта 1921 на имя Ленина об образовании ССР Абхазии и включении её в состав РСФСР. Акиртава занимал много ответственных, руководящих должностей. Как член Ревкома он руководил Совнархозом, с апреля 1922 года являлся секретарем Абхазского обкома партии, позже — заместителем Председателя Совнаркома и наркомом юстиции Абхазии, принимал участие в создании

Зафедерации и Союза ССР, и от имени Абхазии и ЗСФСР 30 декабря 1922 года в Москве подписывал Союзный договор об образовании СССР. Был заместителем начальника Политуправления Краснознаменной Кавказской Армии в Тифлисе, начальником военно-морской инспекции и членом коллегии Закавказской РКИ (рабоче-крестьянской инспекции). Работал секретарем Аджарского обкома партии, заместителем наркома РКИ Грузии. Избирался делегатом Всесоюзной партконференции в конце 1926 года. Но со следующего года, с приходом к власти в Закавказье Лаврентия Берия, как и все соратники Ленина, Акиртава начал подвергаться гонениям, несколько раз арестовывался, был исключен из партии — якобы за контрреволюционную деятельность. Он никогда не боялся честно и открыто высказывать свою позицию, например, по поводу исключения Троцкого и Зиновьева из рядов партии — он со своими соратниками обратился в ЦК ВКП(б) с протестным письмом. Есть известная статья Берия в газете «Правда» (1936 год), где он обвиняет Николая Акиртава в дружбе с либеральствующими коммунистами и в симпатиях к ним. Неспроста Акиртава проходил по так называемому «антисоветскому объединенному троцкистско-зиновьевскому центру».

В начале 80-х годов я случайно оказался в АБНИИ (ныне АБИГИ) и присутствовал при разговоре директора Георгия Алексеевича Дзидзария с работниками института. Слышал, как Дзидзария говорил, что где-то в архивах он обнаружил рукописный текст Николая Акиртава, которому, по-моему, в 1927 году предложили вступить в ВКП(б) — повторно. На это он ответил, что не желает состоять в партии, членом которой является Сталин.

Думаю, что это было причиной окончательного приговора ему.

Жизнь Николая Акиртава была оборвана в 1937 году. Расстреляли в Тбилиси.